

Майк Лебедев

*...ТАК
НАВСЕГДА!*

Майк Лебедев
...Так навсегда!

«Издательские решения»

Лебедев М.

...Так навсегда! / М. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859307-9

Когда-то я хотел написать три книжки. Одну — про детство: ну, какой же русский писатель без своего «Детства»? Вторую — про людей, без которых я бы ни за что не вырос тем, кем вырос, и никогда бы не стал тем, кем стал. Ну и третью, само собой, — про московский «Спартак». Потом немного подумал и понял, что на самом-то деле это все об одном и том же, просто разными словами. А иногда и одинаковыми.

ISBN 978-5-44-859307-9

© Лебедев М.
© Издательские решения

Содержание

Короткое поясняющее предисловие	6
Детство	7
Футбол. Ну и хоккей, конечно	9
«Спартак»	12
Коньки	14
Ереван	17
Мечта	20
Высоцкий	22
Школа	26
Дублер	28
Мечта	32
Ояма (белый пояс)	33
Комиссия	36
Ояма (черный пояс)	39
Пиво и другие хозтовары	42
Сусанина	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

...Так навсегда!

Майк Лебедев

*Моим папе и маме,
без которых вся эта лирическая история,
по-видимому, вряд ли бы произошла*

Иллюстратор Дмитрий Ларин
Редактор Владимир Витальевич Лосев

© Майк Лебедев, 2017

© Дмитрий Ларин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9307-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Короткое поясняющее предисловие

Когда-то я хотел написать три книжки. Одну – про детство: ну, какой же русский писатель без своего «Детства»? Вторую – про людей, без которых я бы ни за что не вырос тем, кем вырос, и никогда бы не стал тем, кем стал. Ну и третью, само собой – про московский «Спартак». Потом немного подумал и понял, что на самом-то деле – это все об одном и том же, просто разными словами. А иногда и одинаковыми. Поэтому книжка будет одна, зато большая. Ну или маленькая, если ничего не удастся вспомнить. Хотя вряд ли. Такое не забывается. Ни детство, ни люди, ни «Спартак». Вот же и говорю – практически одно и то же!

Ну и – к делу.

Детство

Детство выплывает внезапно. Почти из ниоткуда. Ты вдруг цепляешься за что-то и, как скалолаз, поднимаешься шагком за шагком, вспышка сознания за вспышкой, но только не вверх, а вниз, куда-то туда, вглубь... и, как сквозь облачность, прорываешься через что-то бывшее, но неважное – и неожиданно над тобой снова чистое, голубое небо... как в детстве.

Я почти не помню деда. Так, несколько неясных, обрывочных картинок. Вот он качает меня на ноге и поет: «Как на липовой ноге, на дубовой калиге...» Я не знаю, что такое «калига». И не хочу знать. «Калига» – это дед. И еще вот эта серая коробочка рядом с ним. Коробочка – это тоже дед. И только потом, в нежно-подростковом возрасте, вдруг заинтересовавшись содержанием табачного ларька, выясняю: коробочка – это просто пачка папирос, папирос «Дымок». И я вспоминаю все... и как я, еще картавя, говорю: «Дед, не куи в избе!» – а все вокруг смеются, хотя это больше по рассказам... но теперь я уже – помню. Сам.

Дед умер, когда мне не было трех.

В половину седьмого мы идем встречать отца с работы. Я еще не понимаю, что такое «время» (как, впрочем, не понимаю и сейчас) и что такое эта самая «половина» – но я точно знаю: это когда обе стрелки на часах смотрят почти вниз. Тогда мы будем собираться и выходить на улицу. И я в нетерпении буду стоять, просунув голову между облупившимися прутьями ограждения, и смотреть вниз на бегущую лестницу. И мне до сих пор всегда хорошо в половину седьмого, даже если я просыпаюсь рано утром. Просто потому, что обе стрелки смотрят почти вниз, и значит – мы сейчас пойдем встречать отца.

А потом будет уходить мама. Мать работает «в ночь», чтобы днем сидеть со мной. И мы опять пойдем в метро (но уже не в этот день, а в другой) – только теперь мне будет грустно. Даже если мне дадут разменять монетку в автомате. Хотя это – невообразимое счастье! Ты аккуратно опускаешь сверху – а снизу с веселым звоном вылетают пяточки! Желтый аппарат – десять копеек, зеленый – пятнадцать, но самый лучший – это красный, там вылетает целых четыре! А потом мама сядет в поезд, и он с грохотом унесет ее в тоннель – «на работу». А я буду воображать себе, как где-то там, вдалеке – мама будет стоять и опускать в автомат монетки. Потому что это и есть – «работа». Собственно, я и сейчас так думаю.

И – «садик». Сад, признаться, я не люблю, по крайней мере на раннем этапе (да и кто, поди, любит). Три самых ненавистных предмета на свете – куриная кожа, прорвавшийся через скорлупу и вспенившийся белок и комки в манной каше. И если от первых двух еще можно увернуться, заделавшись дежурным и выхватив себе безопасный кусок или ловко сманеврировав рассадкой за столом – то от комков спасенья нет... и ты подносишь ложку ко рту, словно ухаю в пропасть... А воспитательницы меняются в обед, одна – хорошая, другая... скажем так, нравится мне меньше. И если с утра хорошая – то с обеда будет плохая. Но уж если плохая с утра, то стоит потерпеть – и скоро обязательно придет хорошая! Простая малолетняя философия... но я и теперь так считаю. Мы всё, всё тащим с собою оттуда...

Но это – Время. А ведь есть еще – и Пространство. Вперед и назад, влево и вправо. В садик из дома – направо, но это еще ничего. Потому что налево – страшная, пугающая до дрожи «пятнадцатка». Если я плохо веду себя – меня обещают на нее «отдать». И однажды в выходные я веду себя особенно плохо. Тогда наутро в понедельник мы выходим с отцом – и он вдруг заворачивает НАЛЕВО. «Куда?!!» – в ужасе кричу я, пытаюсь вырваться... «На пяти-

дневку!!!» И я очень долго боялся потом этой асфальтовой дорожки. У меня уже была машина, и я, заехав однажды в родной двор, прокатился в поисках свободного места – и вдруг похолодел от ужаса, до липкого пота: я заехал к «пятидневке»!

Всё оттуда, издалека... из самого начала.

И – все большое. Просто огромное. Потому что ты – маленький. Настолько маленький, что лифт в «сталинском» доме просто не везет меня одного. Не реагирует на столь незначительную массу. Когда я впервые стал большим? – да когда лифт со мной поехал... А в феврале в садике на «участке» сугробы по краям – уже в твой рост. Даже выше. Даже не видно, кто там идет тебя «забирать».

И – расстояния. Если меня на ночь оставляют у бабушки, то на следующий день мы выходим в сад за сорок минут. За целых сорок! Это обойти один ее дом, одна остановка на метро и потом еще наискосок метров триста. Сорок! И то не успеваем иной раз... как сейчас, выходя на «Войковской», я не успеваю сосредоточиться, как уже пролетаю мимо арки, куда надо было свернуть...

А наш дом – пятиэтажка. Да, кирпичная – но все равно по сути маленькая. Они маленькие, эти пресловутые «хрущевки». Короткие лестницы, тесные площадки... И только единственный пятиэтажный дом на свете – большой. Только в одном мне всегда просторно. Это МОЙ дом. Потому что я в нем – до сих пор МАЛЕНЬКИЙ...

А еще... хотя ладно. Лирики предварительного, так сказать, этапа – достаточно. Вот теперь – к делу уже по-настоящему.

Футбол. Ну и хоккей, конечно

Я не помню, когда я полюбил футбол. Зато помню, что на самом деле я не должен был его полюбить...

...Я уже поднимался домой со двора. У меня был мячик – обычный, резиновый. А на втором этаже стоял местный житель, подросток с дурацкой фамилией Филин. Он был уже большой. По слухам, ему было целых семь лет и осенью он должен уже пойти в школу. Но это осенью. А в тот день Филин взял и отобрал у меня мяч. И пошел с ним куда-то наверх.

– Филин, отдай мяч! – закричал я дрожащим голосом.

– А он что, твой, что ли? – спросил коварный подросток с дурацкой фамилией.

– Мой, – подтвердил я.

– Твой? Ну так держи!!! – и со всего маху, «с пыра» залепил мне им прямо в лоб.

И я заплакал. Я много плакал в детстве. Ну, во всяком случае – больше, чем это позволено настоящему самураю. Но я никогда не плакал от боли. Только от обиды.

Это очень больно, в лоб резиновым мячом. Еще более – обидно. Но футбол, как ни странно, я не разлюбил. Даже наоборот.

Тем же летом во дворе... хотя, скорее, даже уже жаркой майской весной... короче, меня «взяли». Это магическое слово будет преследовать меня еще долго: «возьмут – не возьмут»... но в тот раз – взяли. Играть в футбол. Большие пацаны. Может быть, даже *большие*, чем Филин. И поставили на ворота. Что, конечно, неверно с тактической точки зрения, ибо вратарь – половина команды, как известно. Зато справедливо с позиций дворовой иерархии и табели о рангах: самый маленький – на ворота... а то можешь и вообще за ними – мячики подавать. Даже и не ворота, а детский домик, в котором по случаю пятницы расположились для культурного досуга мужчины...

И вот – атака на наши ворота. Несется в виде пылевого облака. Где свои, кто чужие – разобрать невозможно, я не успел запомнить, да мне никто и не удосужился толком объяснить. Сказали – «стой», я и встал... а облако уже совсем близко... и мяч вылетает из него почти что прямо мне в лоб... и я в ужасе закрываю глаза, вытягивая ногу куда-то вперед... и тишина.

И ничего. Я даже, кажется, не чувствую удара. И я открываю глаза – и вижу, что ожесточенная борьба разворачивается уже где-то на другом участке поля. И мужчины за спиной у меня продолжают так же беззаботно отдыхать... а из кучи игроков вдруг кто-то машет мне рукой: «Молодец, пацан – отбил!!!» И тут до меня вдруг доходит...

«Я отбил! Отбил! Отбил!!!»

И я навсегда проникся этой странной, несколько диковатой Игрой...

Очень скоро я выяснил, что две березы, растущие с торца нашего дома, образуют практически идеальные ворота. Правда, ворот должно быть двое, а с другой стороны так ловко не получается: дерево есть, но вот столб фонарный к нему боком, и размер другой... но ничего. А в саду – деревянная лестница у забора. Напротив, правда, вообще ничего нет, зато это «рамка» практически с сеткой. Уже можно набирать состав. Сверстников, но сгодятся и сверстницы. «Будешь играть? – Буду. А во что? – Станный вопрос! Во что же еще можно играть? Конечно же, в ФУТБОЛ!!!» А если и не набирается – ну, тоже не страшно. Можно даже одному. Так даже проще: удар – гол, удар – гол, удар – гол!!!

Или хоккей? Или раньше все-таки был хоккей? Нет, этого я точно не скажу.

Хоккей! Да он еще в сто раз интереснее футбола! Эти люди в красивой форме, которые так ловко перескакивают через бортик. Эти загадочные вратари, что всегда в масках, эти судьи

в полосатых свитерах... очень красиво. А еще – голы. Много голов. Это футбол можно смотреть долго и так ни одного и не увидеть. А в хоккее – вот оно: проход, пас, еще один, шайбу на черно-белом экране все равно не разглядеть – и «гасящая сетка» за спиной вратаря вдруг взмывается вверх – гол! И вот победители уже обнимаются за воротами, победно вскидывая клюшки, и застывает в бессильном оцепенении голкипер, а потом понуро выгребает шайбу из ворот, и камера наезжает... здорово! И можно ли устоять?

Конечно, нет. И я перетаскиваю свой маленький стол к балконной двери – это ворота. И занавеска теперь болтается за ними очень кстати – это сетка. А если натянуть на голову сумку-«авоську»*, получится замечательная вратарская маска. Лучше настоящей. И мама будет хохотать и объявлять: «Вратарь – Кен Бродерик!!!» И я не знаю, что это за «Бродерик», но спроси меня и сейчас, кто самый лучший страж ворот на свете, я не задумываясь отвечу: ну конечно же Кен Бродерик!!!

И я буду до потери сознания «забрасывать» голы, пусть не шайбой, а мячиком – но клюшка-то хоккейная! А потом придет отец, и я превращусь в этого самого «Бродерика» и теперь буду отбивать, как всамделишный голкипер: падать на колени, потом выбрасывать ногу в стиле «баттерфляй» и демонстрировать воображаемому судье шайбу в ловушке-варежке: взято! А потом отец устанет и скажет «все, играем до гола», и будет финальный «выход один на один», и обязательно «силовой прием», и бросок – и взметнется сетка, и даже, возможно, зажжется лампочка...

Не все атрибуты хоккея тех лет дотянут до наших дней. Окончательно уйдут в небытие старые маски канадских вратарей, я еще застал их. Ну, не решетка на шлеме – а именно что «маска», ну вы поняли. А полевые игроки все поголовно наденут шлемы и перестанут уже жевать жувачку на скамейках. А потом и судьи. И комментаторы перестанут изъясняться старомодно: «Шайбу забросил с подачи...», а станут по-современному: «...с передачи». И на табло в «Лужниках» уже не будет загораться «Команда А» и «Команда В» – я еще с той поры не люблю букву «В», потому что если горит больше букв «В», то это значит, что наши проигрывают... Но эта «гасящая сетка», ныне упраздненная по соображениям травматичности, этот вернейший знак и символ заброшенной шайбы – вот о чем я грущу по-настоящему... бросок – гол! И взмывается сетка, и застывает вратарь... детство.

В хоккей во дворе играть труднее, чем в футбол. Во-первых – холодно. И не у всех есть клюшки. И бегать в валенках по кочковато смерзшемуся снегу – все-таки не так похоже, как ловко скользить на коньках по залитому льду с разметкой. И утащить подходящего размера ящик вместо ворот, а лучше – два, от задней стены магазина – тоже не всегда получается. Но уж если все однажды сходится...

И снова я – вратарь! Уже не новичок в своем деле. В отличие от своего визави, я мастерски держу клюшку, как положено, одной рукой за середину, а не опираюсь на нее, как полевой игрок. А еще, согнув колени, эффектно отклячиваю зад, шурясь сквозь воображаемые прорези маски. Да и вообще. И вот он – тот самый «выход один на один», решающий момент, катарсис и апогей игры. И я падаю на колени, а соперник, нагловатый здоровяк, делает «обводку», и я, как видел уже и репетировал сотню раз, выбрасываю ногу в сторону, он и ее обводит, и мячик вот-вот с глухим стуком закатится в ящик... и я падаю на бок и клюшкой выбиваю мяч куда-то вдаль...

Вот, вот он, тот самый миг!!! Вот тогда я понял... пусть и не «гол», а получилось ровным счетом наоборот... но это было то, ради чего и стоит выходить... на лед, не на лед, на поле, на площадку, на «поляну»... вот ОНО!!! Вот он – тот самый решающий «сэйв».

Вот так я окончательно полюбил хоккей. Или футбол. Или не помню, что было раньше. На самом деле я их практически не разделяю и не различаю. Ну, летом ты надеваешь на себя

одно, а зимой – другое, но и то и другое – это «одежда». Так и здесь. Это – Игра. Просто летом одна экипировка, а зимой – другая. А так все, по сути...

Впрочем, полюби я просто футбол и хоккей – это было бы еще полбеда. А настоящая беда была в том, что я полюбил...

«Спартак»

Да, и вот это было уже настоящее падение...

Людам, не особо вовлеченным в процесс, может показаться со стороны, что невелика разница... Но нет. Это не так. И разница велика. Более того – она чудовищна. Боление за «футбол вообще» (например, так называемый «красивый») и боление (хотя я не люблю это слово) за конкретный клуб (тем более за такой легендарный, прославленный и овеванный, как родной «Спартак») соотносятся примерно так же, как физическая культура и спорт, при всей их внешней схожести. Но физкультура несет людям здоровье, хорошее настроение, заряд бодрости на свежем воздухе и тому подобное. Спорт же – это почти сплошная, лишь изредка прерываемая чередой поражений, разочарований и обид, изорванная в кровь душа, истрепанное, истерично бьющееся на предельных оборотах сердце и болезненное, почти астеническое ожидание следующей игры... когда же она уже? Вот тогда мы всем покажем... вот тогда мы вас всех... но и следующая игра закончится – и все повторится снова...

Согласно канонической семейной легенде, за «Спартак» болел мой дед. История, правда, не сохранила документальных свидетельств посещения им матчей, не говоря уж о нанесении «выездов». Зато сохранились данные о том, что бабушка выдавала ему рубль на обед. Дед рубль на обед не тратил, экономил – чтобы потом с чистой совестью провести на него досуг с верными друзьями. Ну да – «по семь рваных», если еще до денежной реформы... и два восемьдесят семь плюс мороженое за тринадцать копеек – если уже после. А по возвращении домой с деда требовали отчет по целевому расходованию средств...

– Мить, что брал на обед?! – строго спрашивала бабушка.

– Харчо! – всегда твердо докладывал дед.

Столь же твердо он всегда отвечал и на другой вопрос: «Мить, за кого болеешь?» – «За „Спартак“!!!»

Дед, может, и не знал, какое оно по вкусу в столовой, да и варят ли его там вообще, это «харчо»... Но тут главное – принцип: что брал? – харчо. За кого болеешь? – «Спартак». Так и повелось... возможно.

Отец – тоже за «Спартак». Правда, назвать его яростным суппортером было тяжело, папенька обычно задремывал на диване уже к середине первого тайма. Поэтому я довольно долго считал, что «Федя», «Черенков» и «Десятый номер» – это три разных футболиста. Но все отличные. А три отличных футболиста – это ведь лучше, чем один, верно?

И на хоккей мы ходили в «Лужники» на «Спартак». Все-таки в помещении, можно взять ребенка, хоть и тянет холодом ото льда. А лед блестит в свете прожекторов и режется так под коньками звучно – ну, так об этом еще Пушкин писал. Здорово, одним словом! Рубль двадцать на боковые и шестьдесят копеек за ворота. И в перерыве мороженое в стаканчике, если горло не болит. А потом одного удалили, и не очень опрятный, всклокоченный дядька рядом поднялся со своего места и громко сказал, обращаясь к удаленному: «Понял, Марков?! Не шали...» Очень смешно получилось. Просто до коллик в животе! А главное – выиграли. «Крылья Советов» – не соперник, а... в общем, несерьезный, как сообщил все тот же всклокоченный... но это значит, что я тогда уже болел...

Я хорошо помню этот день... Я сидел у бабушки на «Войковской» и смотрел хоккей. Вернее – уже «Спартак». Это было давно, очень давно. Почти как сон, причем не мой... И на воротах у «Спартака» – вратарь Новиков. Если учесть, что все мое сознательное, если можно так выразиться, детство стоял уже Дорощенко, то можно лишь догадываться о глубинах подозна-

ния... Виктор Дорошенко, «человек без лица»... Я всегда хотел увидеть и понять, какой он там, под маской – но в ту далекую пору «голтендеры» еще не имели привычки задира́ть шлем и охлебываться водой из фляжки после каждого более-менее удачного действия в своем исполнении... Много позже увидел: Дорошенко оказался весьма приятным, добродушным усачом... Очень давно. И как будто даже не со мной...

А «Спартак» уступает в счете, 2:4. Кажется, «Динамо». И я смотрю в экран не отрываясь, и сжимаю кулаки. Сейчас, сейчас... сейчас мы отыграем одну шайбу, потом вторую – а потом забьем победную! Но... мы не отыгрываемся. Классический выход «два в одного», перепас, бросок – и вратарь Новиков бросается из угла в угол, бессильно взмахивая щитком, и «гасящая сетка» за его спиной трепыхается, как подбитая на взлете птица, – гол... без восклицательных знаков. Два-пять, и все кончено. Звучит сирена. И я сжимаю кулаки до самой боли, и губы дрожат, и слезы невероятной обиды наворачиваются сами собой – мы проиграли... «Спартак» проиграл. Когда там следующая игра? Вот тогда мы вам всем обязательно покажем и отомстим. «Спартак» покажет. И «Спартак» отомстит...

А однажды мы идем в цирк. «Старый» цирк, на Цветном бульваре. Отличные места, почти у самого манежа. И гениальные Никулин с Шуйдиным разыгрывают сценку «Телевизор». Публика хохочет: ситуация узнаваемая, борьба за программу единственного «ящика» в семье (а у кого тогда было больше). Не смеется только один человек: это я. Потому что Никулин переключает и «смотрит» хоккей с комментарием Озерова, и «играют» «Спартак» и ЦСКА. И голос Николая Николаевича сообщает мне, что «армейцы перехватывают шайбу, переходят в атаку, проходят синюю линию, Петров передает Михайлову на пяточок, бросок – гооооооооооо! Счет открыт, 1:0, вперед выходит ЦСКА...». И я разве что только не реву – ну как же так, опять «Спартак» проигрывает, пусть и вся игра еще впереди, и это, в общем, всего лишь запись... Но все равно: «Спартак» не может проигрывать!!! Даже в цирке. Даже ради шутки. Даже в записи...

Я не знаю, почему я полюбил «Спартак». И за что. За «красивую игру» и «неповторимый спартаковский стиль»? Ну что я мог тогда понимать в «игре» и «стиле», если и сейчас толком не понимаю... За красно-белые цвета? Полноте, какие там «цвета» в телевизорах «Старт» и «Рекорд», с диагональю, которая номинировалась даже не в дюймах, а в сантиметрах. Там всегда сражались лишь две команды – «в черной форме» и «в белой»... Тогда за...

Да ни за что. Полюбил, и все. Собственно, даже и не «полюбил», а любил всегда. Если я не помню, чтобы я не болел за «Спартак», – значит, и не было такого.

Судьба, стало быть.

Это правда...

Коньки

В мае 78-го года я завершаю выступления в средней группе детского сада. Наш садик «ведомственный», маленький: в нем всего пять групп, и они не нумеруются и не носят ласково-кудахчущих названий типа «Солнышко», «Елочка» или «Ручеек». А именуются сугубо практично: «младшая», «средняя», «старшая» и «подготовительная». По случаю теплой погоды нас ведут гулять на Водный стадион. Там футбольное поле, и взрослые мальчишки из «секции» играют тренировочный матч. И мы рассаживаемся на деревянных трибунах и смотрим игру. Большинству воспитанников, правда, она безразлична, и они занимаются своими делами, особенно девочки. Один только я внимательно болею и даже по мере сил поддерживаю: сначала одну команду, а потом другую... ну, в общем, ту, что в данный момент атакует! Говорю же – я люблю футбол... уже тогда любил. А в перерыве нас уводят, скоро обед и тихий час. И мне это очень странно: как же можно уходить, когда впереди еще целый тайм?! И даже, кажется, набравшись смелости, делюсь своими сомнениями с воспитательницей, благо сегодня с утра «хорошая»...

А вечером родители в торжественной обстановке вручают мне Подарок. И я разворачиваю его, замирая от волнения и предвкушения, – там даже два! Две коробочки! Первая – конструктор. Я обожаю конструкторы! Столько всего можно собрать! Особенно из «немецких»... а вторая коробочка – еще больше. Стало быть, еще интереснее. И я раскрываю ее, и вижу длинный, блестящий металл, и все вдруг разом ухает внутри меня куда-то сперва вверх, а затем вниз...

И хоккей я люблю. Уже тогда. Летом мы отдыхаем в деревне, я еще не умею читать, но хоккей уже люблю. И мама покупает мне книжку «Шайбу! Шайбу» с картинками и читает вслух: «Судья залез на сетку...» Ну, на оградительную, имеется в виду – но этого мне еще не понять, и я спрашиваю: «Мам, а что значит – судья залез на наседку???» И мать смеется – эх ты, деревня! Наседка!!! Хотя, зная теперь, как зачастую называют у нас на трибунах арбитров, тот вполне мог залезть и на наседку... вполне, вполне.

А потом я читаю уже сам. И тут вдруг до меня доходит, что положительный герой Рыжик выступает за команду в синих цветах. Пусть и «Вымпел». А отрицательные персонажи из «Метеора» – сплошь в красном. И книжка уже не кажется мне столь интересной. А Рыжик – таким уж положительным и героем.

Да, футбол, хоккей...

В коробке коньки. И коньки – фигурные... Нет, тут не спутаешь: и зубчики на конце, и ботинок белый. Ну, мне ли не знать...

Так был нанесен первый удар по Мечте. По счастью, не последний.

Нет, я очень хорошо понимаю папу с мамой. Битком набитые залы, красивая музыка и аналогичные костюмы, свет прожекторов, поддержки, тодесы, тулупы в три оборота, двенадцать раз по «шесть-ноль», гимн и слезы Ирины Родниной и Александра Зайцева, цветы, объятия и поцелуи уровня «кисс-энд-край», до краев, стало быть – ну кто устоит? Да и спортшколы по классу хоккея и нынче, поди, не на каждом шагу... понимаю... сейчас... но – фигурное же катание!!! Еще, не дай бог, и с девчонкой в пару поставят, за ручку брать и обнимать придется – это ж стыда и позору на всю округу не оберешься!..

Моего первого тренера звали Оскар Петрович. И изнанку профессионального спорта он раскрыл нам очень быстро. По крайней мере за пару с девчонкой можно было не опасаться – до того ли нам было в чередке наклонов, приседаний и вращений в спортзале? Мы и на коньки-то встали лишь зимой, лед-то ведь только естественный. Я иногда заглядываю на наш каток:

господи, да тут же на два толчка ногами «попеременным приставным»... а тогда казалось – забора не видать, и уж тем более – не доехать! А мы стоим в нашем подвальчике, замерев в упражнении «ласточка» – и Оскар Петрович ходит, проверяет, достаточно ли ровно и изящно оно выполняется. И родители тянут шеи сквозь полуоткрытую дверь: как там дитятки? Как там эти будущие чемпионы? Особый интерес, насколько можно видеть, проявляет мама фантастически кривоногого и нелепого Миши Гурвича... А стоим долго, и нижняя челюсть под собственной тяжестью сама собой едет вниз, и Оскар Петрович, подходя ко мне, громко вносит коррективу:

– Лебедев, закрой рот!!!

И опять смешно всем, кроме меня... Хотя, возможно, именно тогда, помимо основ общефизической подготовки, Оскару Петровичу удалось заложить и тягу к нелегкому писательскому труду: я и сейчас мысли на бумаге излагаю гораздо яснее, нежели вербально...

А в конце зимы – соревнования. С настоящими судьями, которые на перекидных табличках выставляют нам самые натуральные оценки! Правда, в районе «1.3» – «1.4», хотя я, грешным делом, надеялся, что уж как минимум на пять с копейками мы своими «фонариками» и «пистолетиками» накатали. Но – пока лишь седьмой. Мы еще маленькие. А побеждает Коля Шолохов из старшей группы, он занимается уже второй год и действительно неплохо катается. И под заедающий звук фанфар из старенького магнитофона ему вручают золотую медаль и – Приз. Настольный хоккей! (Да, ведь настольного фигурного катания, по счастью, промышленность не выпускает.)

О, настольный хоккей!

Можно вырезать из бумаги фигурки хоккеистов, раскрашивать их, обязательно давать красивые, «блатные» номера, типа «девяносто девять», а вратарю – пижонскую «двойку», как у чехословацкого Иржи Кралика. А затем, кое-как согнув им ноги и расставив на столе, разыгрывать самые изящные комбинации. Отец даже склеил мне из картона табло с крутящимися дисками и появляющимися в окошках цифрами, одна сторона синяя, другая красная – и тут уж будьте покойны: «красные» у меня не уступили ни разу. Можно наклеить спортсменов из пластилина, вооружив их клюшками из спичек. Можно по примеру издания «Футбол-Хоккей» рисовать на бумаге все те же «комбинации» и «голы», пунктирной линией обозначая перемещения субъектов игры, а сплошными – объекта: мяча или шайбы. Можно даже попытаться собрать из конструктора, правда, тут деталей и фантазии хватит лишь на незамысловатый буллит, да и тот по схеме «бросок с места». Можно... но все это не заменит счастья Настоящего Настольного Хоккея! Я даже смотрю мультфильм, где в него мельком играет Баба-Яга, – и то завидую!

Так впервые в жизни появилась Цель. И мы с отцом ходим по вечерам на каток тренироваться дополнительно. Хотя по-прежнему самый приятный момент – когда выключают фонари на мачтах и уже можно вынуть из отцовского валенка клюшку с шайбой и немножко погонять в темноте и одиночестве...

На следующий год соревнование я выиграл. Теперь я сам – старший и уж, конечно, катаюсь не хуже прошлогоднего Шолохова. И снова играют фанфары, и подходит улыбающийся Оскар Петрович и, не иначе как припоминая давешний эпизод, дает обратную команду:

– Лебедев! Закрой глаза, открой рот!!!

И я счастливо жмурюсь, и Оскар Петрович торжественно, под аплодисменты публики запикивает мне в зубы Приз, и я тут же понимаю, что для хоккея-то Приз тонковат...

Конструктор. Отличный, немецкий. Даже, кажется, с электромотором. Но я-то хотел...

А потом мы с мамой едем домой, и чувства мои противоречивы. И дома я сажусь к телевизору, смотреть финал Олимпиады в Лейк-Плэсиде. Показывают, само собой, в записи, и все

уже в курсе, что наши проиграли американцам. «Чудо на льду», или как там его. Один только я не верю. Я теперь вообще уже не верю в чудеса и смотрю, смотрю... но наши все равно проигрывают. 3:4. Чудес и в самом деле – больше не бывает.

Я же и говорю: спорт, особенно когда он шагает в обнимку с мечтой, – это лишь секунды триумфа. И долгие минуты, дни и месяцы разочарований. Так-то вот!

Впрочем, тут мы забежали несколько вперед.

Ереван

Весной 79-го года из обрывков родительских разговоров я вдруг понял: мы переезжаем.

Ну-у... переезд – это как минимум интересно! Новая квартира со странным названием «кооператив», где, говорят, у меня будет даже своя собственная комната. Но с другой стороны, это довольно волнительно. А как же «садик», который я не то чтобы уже полюбил, но по крайней мере привык? А, черт бы его побрал, фигурное катание? И в конце-то концов – что же будет с моей футбольной командой младшей сопливо-возрастной группы, которую я уже практически сформировал, которая уже провела почти полноценную тренировку и теперь готовилась дать бой этим противным старшим мальчишкам, которые вечно или сразу занимали нашу импровизированную «поляну», или выгоняли нас с нее, даже если мы ее занимали на законных основаниях, явившись первыми?..

Вскоре ко всем поводам для волнения добавился еще один, но самый веский – мать, разъяряя кому-то наши будущие координаты, сообщила следующее: «Ну да, точно! Как раз там, возле Еревана...»

Теперь я насторожился не на шутку. В полном смысле слова не по-детски. Я уже читал, и у меня была красивая, кем-то подаренная книга с торжественным названием «Твоя Родина – СССР!». Из этой книги я многое почерпнул о стране, в которой мне посчастливилось появиться на свет, и о ее необъятных просторах, и о несокрушимой дружбе народов... однако, ознакомившись с приложенной картой, переезжать в Ереван я решительно не возжелал. Даже не в сам Ереван, а «возле»... это что же, вообще в деревню, получается?! Нет, деревню я любил, но исключительно в форме временного, летнего пристанища. Видимо, москвичом я стал даже чуть раньше, чем спартаковцем (а им, напомним, я был всегда).

Наконец, после нескольких недель мучительных размышлений я услышал: «Собирайся. Едем смотреть нашу новую квартиру!»

– Мам, а мы как поедим: на поезде или полетим на самолете? Ведь Ереван – это же очень далеко! И, ты знаешь... я совсем не хочу уезжать из Москвы!

– Дурачок! – сказала мама. – С чего ты решил, что это не в Москве? «Ереван» – это просто так называется кинотеатр!

И у меня отлегло от сердца. Остаемся...

Детство – это когда ты маленький. А вокруг все – большое-пребольшое. Далекое-предалекое. Будущее-пребудущее. Как Ереван...

И мы поехали.

Впечатления обрушились сразу. Ехать надо было на автобусе. Даже на двух. А это, согласитесь, гораздо интереснее, чем на метро, где смотреть в окно имеет смысл лишь тогда, когда поезд вдруг вылетает из тоннеля и катится по мосту через Москва-реку, а такое приключение происходит с ним до прискорбья редко. А еще автобус надо «ждать», да к тому же не любой подходит, поэтому при ожидании следует пристально вглядываться в их «номера». А еще «номер» у каждого маршрута написан по-своему, и если это запомнить, то можно узнать «свой» еще из такого далека, что и с подзорной трубой не каждому под силу! Эх, ведь и было же время, когда мне все это нравилось...

Наши новые дом и двор выглядели странно. Старый был зажат со всех сторон пятиэтажками и накрыт сверху надежной крышей разросшихся за тридцать лет деревьев. Новый же дом торчал посреди чистой поверхности, местами заасфальтированной, местами засыпанной песком и бетонной крошкой, а в основном – щедро закиданной всяким хламом. И – ни деревца вокруг, кроме старого, разросшегося тополя. И – открытые пространства во все стороны, уходящие куда-то вдаль. Да, тут явно было что изучить и чему удивиться...

Внутри понравилось еще больше. Лифт с автоматическими дверями, которые уже не надо, как у бабушки, захлопывать с чудовищным, просто-таки пугающим железным грохотом, и он везет тебя всегда, а не только со взрослыми! Везет аж на десятый этаж, который мама удачно вытасила на «жеребьевке» и с которого, если выйти на балкон, видно не до другой стороны улицы – а до самого горизонта! И запах, ни с чем не сравнимый и всегда куда-то незаметно испаряющийся запах нового дома! И звонкое эхо пустых комнат – эй! эй! э-ге-гей!!!

Через неделю мы приехали опять. Надо было начинать обустраиваться на новом месте, и отец послал меня за позабытой впопыхах отверткой к какому-то знакомому, который как раз недавно переехал в соседнее строение. Я долго выспрашивал адрес, скрупулезно уточнял маршрут движения и контрольные ориентиры по дороге, – но на самом деле я знал, куда идти: просто было ужасно страшно выходить одному в новое.

Детство – это когда все вокруг – еще новое...

Наконец, я собрался с силами – и выступил в путь. Он оказался недлинным: между домами на бордюре задумчиво сидел ребенок по имени Александр Чуриков, выпускник нашего же детского сада, чьи родители также улучшили жилищные условия в искомом мною доме. Согласно установленному этикету, Чурикову не следовало обращать внимания на такую секилявку, как я, – ведь мне предстоял еще целый дошкольный год. Но тут, видать, законы землячества взяли верх над условностями – и Чуриков довольно ласково сказал мне:

– Привет. Тоже переехали? Садись.

– Привет, – сказал я, усаживаясь рядом. – Переехали.

– Вот, на свалку ходил, – деловито доложил мне Чуриков. – Солдатику нашел. Жаль только, пешего, а не конного. Но, говорят, там и конных полно! Пойдешь со мной?

И Чуриков охотно продемонстрировал свою находку. Солдатык и в самом деле оказался ничего, только немного запыленный, как после марш-броска.

– Не, ща не могу. За отверткой послали, – тактично отклонил я приглашение.

– Ну, тогда я пошел. Пока! – распрощался Чуриков.

Свалка! Да, вот у нас была – Свалка с большой буквы!!! Неиссякаемый источник самых разных артефактов, притаскиваемых в школу и дающих обладателям их немислимые почет и уважение. Включая, разумеется, яркие цветные банки из-под импортного пива! Я сам очень скоро приволоку с нее штук двадцать великолепных стеклянных шариков. До сих пор не знаю, для чего они использовались в мирной жизни, – а я налепил на них бумажные номера, прорезал дырку в пластмассовом барабане и немедленно провел самый натуральный тираж «Спортлото». И, как водится, «шесть номеров не угадал никто»...

Но пока что я все-таки разыскал названного мне дядьку и получил у него столь необходимую отвертку. А на выходе из подъезда меня встретил другой юноша, теперь уже незнакомый. И настроенный, как выяснилось, куда как менее гостеприимно, нежели коллега Чуриков.

– Ты из какого дома, пацан? – строго спросил он меня.

– Из третьего. Вон, из того! – радостно сообщил я, предполагая, что, возможно, юноша также даст мне какие-то полезные сведения о моей новой среде обитания. В принципе, так оно и произошло.

– Ну так... и гуляй возле своего дома! – неожиданно рявкнул он. – Даю тебе десять секунд, время пошло, р-раз!!!

«Во дела... – размышлял я, спешно улепетывая по указанному направлению. – Оказывается, новая реальность несет нам не одни только положительные открытия и эмоции...»

Да, структура микрорайона оказалась довольно сложна и не лишена определенного внутреннего изящества. Конечно, в полном объеме познать ее удалось далеко не одномоментно – но я, так и быть, кратко обрисую ее вам сразу, итак.

Наш дом был «кооперативный», а вот соседние, в один из которых и занесло меня в поисках слесарного инструмента, – уже «лимитные», отчасти, правда, разбавленные технической интеллигенцией одного сверхсекретного оборонного предприятия столицы. Все вместе мы образовывали левую, «новую» часть нашей улицы, свежестроенную – по каковой причине обитатели четной, «старой» стороны сразу обрели к нам довольно значительное число вопросов. Но опять же – вместе мы были «улица», а ближе к Шоссе проживали, естественно, шоссейные. По ту сторону Шоссе располагались владения «Девятого квартала» (характерно, что история градостроительства не сохранила никаких данных о кварталах с номерами, скажем, восемь или десять), ну и, само собой, возле кинотеатра «Ереван» проживали ереванские. То есть наверняка они внутри себя тоже как-то хитроумно подразделялись неведомым нам образом. Но при любом раскладе «выловить» от них по ушам при посещении утренних сеансов в дни школьных каникул было делом особенно необременительным. И наконец, где-то на самом отшибе находился тракт, явно неспроста названный в честь народного героя Ивана Сусанина, ибо вернуться оттуда случайному путнику не было никакой возможности. «Сусанинские», как швамбранская пиратская Пилигвиника, были враждебны всем, всегда и везде, и слава о них гремела далеко, как говорится, за пределами.

Да, как видно из этой, даже неполной схемы – напряжение могло проскочить по любому из самых неожиданных направлений, и оттого суровое «Пацан... а ты, собственно, из какого дома?!» повисало в воздухе еще далеко не один раз...

Но все равно было здорово! Ну что я раньше видел в этой жизни – одна остановка туда до бабушки, другая – сюда, до уроков ледового мастерства Оскара Петровича. А тут – пространства вплоть до горизонта! Да до одного метро только полчаса в автобусе трястись, упервшись носом в чей-то потертый хлястик. Ереван...

Мечта

В школу с шести лет меня не взяли. Мама ходила узнавать – но, оказалось, вышло очередное судьбоносное Постановление, согласно которому не принимали даже «декабрьских», а я был «январский». В то время вообще выходила масса Постановлений, Указов и прочих Руководств, несколько осложняющих жизнь простого человека. Хотя, возможно, оно и к лучшему: семьдесят второй год рождения в нашем микрорайоне, как выяснилось, был каким-то сосредоточием гопников, шпаны и просто асоциальных личностей всех мастей. Хотя допускаю, что и наш «заход», особенно параллельный класс «Б», сформированный на базе питомцев пятого, «лимитного» дома, воспринимался последующими поколениями примерно в схожем ключе.

В местный садик меня тоже не приняли. Сказали: «Нету мест» (впрочем, их и сейчас нет). Тем более что «место» за мной сохранялось в старом. Тут я даже не особо расстроился. Все-таки в прежнем порту приписки мы были единственной группой старослужащих, со всеми вытекающими отсюда формальными и неформальными привилегиями. В частности, правом зимой кататься на лыжах по «большому» кругу территории, практически вдоль забора и почти без спроса. Прочие ходили исключительно «по маленькому». Я часто сейчас смотрю на этот «большой»... боже, но ведь он и действительно казался – БОЛЬШИМ!!!

Да, но в старый сад теперь надо было «добираться», а не просто перейти улицу, как раньше. Добираться целый час! Но вот час тогда, как ни странно – был маленьким. Да оно и неудивительно: столько всего вокруг! Столько приключений, только успевай головой вертеть! Один только маршрут автобуса – целиком, от конечной до конечной. Десять остановок, если не считать стартовой! Два светофора, и еще пять поворотов, и еще один изгиб, который если считать за поворот, то и все шесть. И автобусы – они бывают разные. Наши, «ЛиАЗ», и красивые импортные – «Икарус». «Икарус» интереснее: утром, когда на остановке полно народу, дети могут подойти на «высадке» и сесть до основной толпы, но я никогда не сажусь, а бегу вперед, к самой кабине, и в «Икарусе» гораздо лучше видно и дорогу, и как водитель без усталости дергает огромный рычаг передач (допускаю, что он имеет другую точку зрения на коробку-«автомат»). А в нашем «лиазике» – он только рулит, но зато предоставляется возможность поразмышлять, почему в прибитой на кабине табличке «шофер» неизменно выцарапано – «холост».

Но главное – это даже не автобус. До него еще надо дойти, а путь неблизкий, мимо всех домов, потом пруд, потом наконец-то взбираешься на пешеходный мост, а у нас очень длинный мост через станционные пути, метров триста, и вот на нем-то, на мосту, уже ближе к концу – каждое утро и каждый вечер я встречался со своей Мечтой.

Расцепщик Вагонов – вот кто это был. Знаете такого?

Это такой специально обученный мужчина с чем-то вроде фасонной длинной кочерги в руках, который задумчиво стоит возле железнодорожной горки и внимательно ожидает сигнала сверху. Наконец, среди прочих шумов пересадочного узла вдруг раздастся хрип невидимого репродуктора – и прокуренный голос просто-таки взрывается, эхом разносясь над всей округой:

– Третья на вторую пять, шестая восемь, три один!!!

Это и есть Сигнал. Повинуясь ему, Расцепщик Вагонов шерудит своей кочергой где-то внутри сцепки – и разделенные навсегда вагоны, повинуясь Его непреклонной воле, раскатываются по стрелкам вниз, кто куда, и уносятся вдаль, чтобы никогда уже не вернуться... или вернуться, но только нескоро-нескоро... Это даже лучше, чем смотреть, как горит огонь и течет вода: на них можно смотреть Вечность, а на убегающие вагоны – всю Жизнь, то есть даже дольше. И я смотрю, смотрю, смотрю, пока отец за руку не уведет уже меня...

Я много кем мечтал стать в своей жизни. Хоккейным вратарем в маске, как у Виктора Дорошенко. Футбольным – в перчатках, как у Рината Дасаева. Водителем автобуса, лучше,

конечно, «Икаруса», но можно и «ЛиАЗа», раз уж он постоянно холост. Некоторое время – даже милиционером. Писателем хочу стать до сих пор. Но никем я не хотел стать по-настоящему, так, как ИМ. Спуститься однажды вниз, в оранжевой жилетке поверх телогрейки, с прилипшей к губам беломориной, в ушаночке с приподнятыми для лучшей слышимости «ушами» – и, прислушиваясь к Сигналу, повелевать, отправляя цистерны, рефрижераторы, да и просто «телячьи» в Бесконечность...

Да, когда-то жизнь на Платформе и вокруг кипела и дышала полной грудью. К московской Олимпиаде на дальней от нас стороне возвели типовое кафе, после спортивного форума перетранслированное в пивную. Отец иногда заходил туда, и если бывал при погонах, то часто слышал: «Товарищ майор, вот сюда без очереди пройдите... сейчас кружечку чистую вам подам!» Замечу, майор, а не «генерал-майор». Да, в те дни на местах еще случалось уважение к человеку в форме! О подобных инцидентах я узнавал всегда, так как только в бывшем кафе стабильно поставляли к столу хрустящую картошку с девочкой за десять копеек, которая мне и доставалась (картошка, а не девочка) ... А вырезвитель там был всегда, и старожилы очень радовались такому совпадению: не надо далеко ходить, вышел из одного заведения – и сразу в другое, а из другого – так сразу и обратно...

А потом (через много лет) мост закрыли на ремонт, и Жизнь плавно перетекла в другие места округи. Исчез рынок, остановка из важной «конечной» превратилась в обычную проходную, пришли в упадок палатки, от кафе и так давно остался лишь один ангар, и вырезвитель, ранее не справлявшийся с наплывом посетителей, враз потерял большинство лояльной клиентуры. И его персонал сидел теперь на холодном осеннем солнце и слушал «Земной оркестр Манфреда Манна», и потусторонний голос Криса Томпсона опускался на них, как снег на сухую, простывшую землю.

Много вы видели работников вырезвителей, которые на досуге слушают Криса Томпсона? У нас такие были. Потому что чудеса случаются там, где живет Мечта...

Потом мост открыли заново, но былая жизнь уже не вернулась, и в бывший «трезвяк» вселилось подразделение ГАИ. Но я пробежал мимо, взлетел по лестнице и тут же убедился: ОН был на месте. На своем неизменном посту. Практически тот же. И все так же летел над мокрым снегом Сигнал.

Настоящая Мечта никуда не девается. Она же, в отличие от много чего другого – Настоящая.

Высоцкий

Если спросить меня – ну, ты, конечно же, хорошо помнишь первое «свое» чемпионство «Спартака» образца осени-79? Ты, конечно, прыгал до потолка, потом кричал на балконе, размахивая флагом, а потом до полуночи принимал поздравления по мобиле и электронной почте? А наутро ты вошел в группу особенно гордой походкой, и даже утренняя встреча с Расцепщиком Вагонов отошла в тот день на второй план? Что ж, отвечу честно. Нет, не помню. Все-таки я был еще недостаточно опытным суппортером для этого. И потом – дети еще не воспринимают события и объекты в полном объеме и всей их первозданной красоте... Да, «Спартак» был со мной всегда – но он возникал в тот момент, когда я видел его на экране телевизора. Или узнавал счет из новостей по радио. Тогда я радовался. Или огорчался до слез. А потом «Спартак» исчезал, уступая свое место новым впечатлениям и открытиям этого Мира. До следующей игры, разумеется.

И соперников я различал. В хоккее – по форме, даже на экране черно-белого телевизора. У всех были свои маленькие высокохудожественные отличия в свитерах, трусах и рейтузах, и названия клубов звучали как музыка: «Химик-Воскресенск», «Торпедо-Горький», «Крылья-Советов», «Сокол» и «Динамо-Рига»; у них мы чаще выигрываем. Не звучит мелодией только «Цээска» – тут мы, пожалуй, больше уступаем...

А в футболе – по воротам, они в каждом городе были свои. В Киеве – огромные, если смотреть сбоку, то похожие на детальку конструктора под названием «трапеция», в такие уж если забьешь, так забьешь! В Тбилиси – даже если не слышать комментариев Котэ Махарадзе, то та же «трапеция», но поменьше. В Ереване (который теперь уже город, а не кинотеатр) – почти как у нас в «Лужниках», но чтобы с ними не спутать, у основания штанги заботливо подкрашены черным цветом. На стадионе «Динамо» – наоборот, самые маленькие в плане глубины, так что сетка висит почти возле самой «ленточки»... Но соперник – он соперник и был. Безымянный по сути своей. Я злился на него, когда он обыгрывал нас, и снисходительно уважал его, когда мы побеждали, – воздавая должное его мастерству и старанию... но в любом случае он исчезал еще раньше и на гораздо большее время. И я еще не знал, что должен особенно ненавидеть ЦСКА и «Динамо» (Киев), хотя и уже догадывался... Они злили чаще других.

А что такое «чемпионат», как он разыгрывается и сколько там очков начисляется за победу и ничью «дома» и «в гостях», и кто и почему становится чемпионом – вот это я представлял себе еще достаточно смутно. Точнее, я даже не понимал, что чемпионом нужно становиться. Я просто знал, что мой любимый «Спартак» – чемпион. Да и кто не знал этого в тот год, если соответствующая надпись враз украсила практически все свободные вертикальные поверхности и площади города, выйди из дому и убедись! Даже не из дому, а просто из квартиры – и осознай сей факт прямо в подъезде! Спартак – чемпион! Это, если хотите – бренд. Как любой детский подгузник – это «памперс», а любое копировальное устройство – это «ксе-рокс» (хотя эти слова тогда еще не были изобретены). А Спартак – Чемпион! Тут и изобретать ничего не нужно.

А еще у меня была пластинка, «Алиса в Стране чудес». Самая любимая. Любимые пластинки, как и любимые книги, – это те, что ты читаешь и слушаешь бесконечное число раз. У меня нет таких, которые я прочитал бы или прослушал дважды: только ноль, один и бесчисленность. «Алиса» была в прямом смысле «запилена» до дыры. Вернее, не вся, а одна сторона... признаться, до конца я ее никогда и не слушал. И даже до сих пор не знаю, сумела ли бедная девочка вернуться в исходные размеры и доизмененное сознание – да и зачем, если есть «Песня Попугая»: каррамба, коррида и черт побери!!! Эх, вот это – вещь!!! И я снова и снова

переставляю звукосниматель, уже безошибочно попадая в самое начало: оно и немудрено, если оттуда начинается уже не «дорожка», а самая натуральная борозда!

Я спросил у мамы, кто это поет. Она сказала: «Владимир Высоцкий...» Ну, Высоцкий и Высоцкий. Он появляется вместе со своей песней и с ней же исчезает. Шаинский вон с вечным «Большим детским хором» в телевизоре по престольным праздникам и «Пропала собачкой» – тоже Владимир... Еще у Высоцкого есть маленькая пластинка, правда, на конверте почему-то ничего не написано, как у всех, а просто картинка. Только на самом миньоне обозначено. Но там уже номера чуть слабее. Про «Вдох глубокий, руки шире» еще ничего, а дальше что-то медленное, заунывное... хуже, чем про попугая, одним словом.

Я помню первый показ «Места встречи изменить нельзя». В пятницу вечером все взрослые и даже, кажется, сосед, затаив дыхание, уставились в телевизор. Я заикнулся было про хоккей по «второй», ну или хотя бы уж про «Спокойной ночи, малыши» – но получил уверенный отказ. Затаив обиду, пришлось смотреть вместе со всеми. Собственно, ничего особенно любопытного я не увидел: сидели, разговаривали, потом небритому мужику начали тыкать финкой в горло – скукота... ну как можно было предположить тогда, чем все на самом деле обернется?

Да – а ведь уже была Весна! И феерическая победа над ЦС.. (можно я уже буду писать их маленькими буквами? Только без обид. Так просто меньше места занимает и краска типографская не так расходует. Спасибо) над цска перед самыми майскими, когда мы отыгрались с 2:4 и победили 8:6. И вот уже последние дни в детском саду, и торжественные проводы нас в почти что взрослую жизнь. Мы по очереди вскакиваем со стульчиков и декламируем что-то звонкое и красочное. На моем подскоке все вдруг начинают смеяться, потому что у меня рифма «ранец – глянec», и ужасно обидно, оттого что я так и не понял, что это за «глянец» такой, а спрашивать уже неудобно... уж не потому ли все хохочут, что это слово – из того же смыслового ряда, что и другая рифма к «ранцу»? Так надо было предупредить, я бы понял – а не выставлять вот так, исподтишка, на посмешище...

И в школу уже записывают на самых законных основаниях. Днем в магазине мы покупаем кучу замечательных вещей – чистые, еще не оскверненные каракулями и потекшей пастой тетрадки, разноцветные ручки, дивно пахнущий ластик, даже счетные палочки, хотя назначение их не совсем понятно, если я уже практически экспериментальным путем установил, что «сто умножить на сто – это десять тысяч». Палочек явно меньше. А вечером я сижу за столом, разложив перед собой все это богатство – и смотрю футбол. Вернее, конечно – я смотрю «Спартак».

«Спартак» проигрывает. Я включаю, когда он проигрывает 0:1 «Шахтеру». Идет уже второй тайм, но время еще есть. В нашу пользу и то, что мы играем дома. Я уже понимаю, что играть «дома» проще. Мы обязательно отыграемся. Тем более что этот матч – «на кубок», надо только сравнять счет, а потом дадут дополнительное время, и мы победим. Тем более что «Спартак», как старательно подчеркивает комментатор, – «команда признанно кубковая». (абавно, что тезис про особую «кубковость» я буду слышать потом очень долго. Свой последний на тот момент кубок «Спартак» завоевал в 71-м году, еще до моего рождения, а следующим оказался уже последний Кубок СССР в 92-м, после кончины собственно «Союза», когда у меня, в общем, появились и другие интересы, помимо счетных палочек... Такие вот парадоксы Судьбы.) Но «Спартак» – не отыгрывается. И его игроки понуро уходят с грязноватого, еще весеннего поля. И меня душит обида, и нижняя челюсть дрожит, и никакого праздника уже не надо. Я утешаю себя, что это всего лишь кубок, это не чемпионат (за прошедший сезон я уже добился ощутимого прогресса и четко понимал всю тонкую разницу), в чемпионате ничего не потеряно, и мы снова можем стать чемпионами... тщетно. Хочется переломать все палочки и разорвать в мелкие клочки тетрадки. «Спартак» проиграл. Хуже того – «вылетел». Комментатор говорит деликатно – «выбыл из дальнейшей борьбы», но я-то уже понимаю.

И тогда я ставлю пластинку и с остервенением слушаю: «И чтоб отомстить, от зари до зари...». Мы отомстим тебе, неведомый доселе «Шахтер»! Каррамба, коррида и черт побери!!!!

В лето перед школой я впервые попал на море. Честно сказать, я не испытываю особого пиетета перед «морем», которое, в общем, река, только большая и с одним берегом, но все равно: море – это здорово! Я наконец-то научился плавать благодаря тому, что морская вода, в отличие от речной – «держит». А один добрый дядя на пляже научил меня не просто двигать фигуры по шахматной доске, а со смыслом. И даже подарил соответствующую книжку, где подробно, на поучительных примерах расписывалось что такое «дебют», «миттельшпиль» и «эндшпиль». Нет, ходы я знал и до этого, но предпочитал играть в некую комбинированную игру собственного изготовления, где ладьи исполняли роль штанг, короли – вратарей, а остальными требовалось загнать мячеферзей в сооруженные таким образом ворота. Я люблю шахматы. Как люблю то, в чем мало что понимаю, и уж тем более сам ничего не могу изобразить. Музыка еще... да тот же футбол, в конце-то концов!

В тот день перед ужином я, как обычно, толкся в спортивном городке. Где-то между кольцебросом и шведской стенкой, но на самом-то деле мое внимание было приковано к футбольной площадке: а вдруг «примут»? Честно говоря, шансы на это были призрачно малы, но все-таки. Удача, в конце концов, улыбается тому, кто по-настоящему умеет ждать. И она улыбнулась – какой-то мужик вдруг весело выкрикнул: «Эй, малыш! Встань к нам в ворота, у нас вратарь ушел... Не ссы, ворота маленькие, да мы и все равно им бить не дадим!» Нет, ну я, собственно, и не собирался делать этого самого слова... подумаешь – да я тысячу раз уже был готов встать! Даже десять тысяч раз, то есть сто раз по сто! И я немедленно «встал». Мысленно обстучал штанги клюшкой, как делали хоккейные вратари, выкатывающиеся после перерыва или на замену. Несколько раз подпрыгнул, как делали вратари футбольные в ожидании, пока их команда атакует. Разве что не перекрестился размашисто, но этого тогда по телевизору еще не показывали.

Веселый мужик оказался человеком слова: игра полностью шла у ворот соперника. В томительном предчувствии контратаки я подпрыгнул еще раз десять, напряжение нарастало. А, вот: мяч перехвачен, и я, подражая всем кумирам сразу, слегка выдвинулся из «рамки»... но тут к пригласившему меня мужику подошел другой, выйдя прямо на поле откуда-то сбоку, и что-то тихо сказал ему, отчего тот сразу погрузился, остановился и громко крикнул:

– Все, пацаны, – стоп-игра... Давайте мяч сюда – я пошел...

Разочарование мое было немислимым. Столько вечеров я отирался поблизости в надежде, что «примут», и вот – «приняли»... и в результате приходится уходить, даже ни разу не коснувшись мяча, даже не увидев его рядом. Я подошел поближе к мужику, чтобы хоть понять, в чем дело, и услышал:

– Высоцкий умер...

Потом я пошел в столовую и еще раз услышал, как кто-то сказал кому-то то же самое. А вечером все взрослые потянулись к веранде, в которой стоял телевизор... обычно там собирались на кино или футбол, а со стартом программы «Время» большинство расходилось, оставляя у экрана лишь пенсионеров с активной жизненной позицией. А тут вышло ровно наоборот, все собрались к девяти, и все были какие-то грустные... и я снова слышал то же самое, а еще: «Слышали, да? Да точно... точно... сказали – вроде даже по телевизору передадут...» И я тоже, с трудом разыскав какого-то гаврика размером еще меньше, чем я сам, мрачно сообщил ему: «Слышал, пацан? Высоцкий умер...»

Сказать по правде, я не то чтоб расстроился... то есть расстроился, конечно, вместе со всеми – но ведь я даже не понимал, тот ли это Высоцкий или нет... может, он и так старый был... Вот «приняли», а поиграть не получилось – вот это расстройство. Через четыре дня

наши проиграли Гэдээру полуфинал по футболу, хотя «золото», как считали знатоки, было у нас в кармане – тоже. А тут... но я понял, что произошло что-то очень важное. Печальное. И непоправимое.

«Высоцкий умер...»

Так закончилось Лето.

Наступала новая жизнь.

Школа

И пошел я в школу...

Наверное, это будет самая неоригинальная глава во всем тексте, ибо уверен, что все прошло ровно так же, как и у подавляющего большинства его читателей. Было прохладно и пасмурно. Взволнованные, мы стояли в обнимку с гладиолусами и астрами, директор Григорий Палыч произносил в «эхающий» микрофон что-то торжественное, ободряющее и напутственное, а потом прозвенел звонок, нас разобрали раскрашенные, завитые старшеклассницы и небритые, пахнущие табаком и тройным одеколоном старшеклассники и под невидимые миру слезы родителей увели внутрь... Из неординарных событий отмечу лишь тот факт, что уже второго сентября я умудрился в школу опоздать. Слишком долго настраивался, попутно прикидывая, кого из своих новообретенных одноклассников следует зачислить в нашу будущую футбольную команду... этот толстый... тот сопливый какой-то... те вон вроде ничего, но они «шоссейные», хорошо друг друга знают и сразу сели особняком... ладно, разберемся. Разбирался в итоге до двадцати минут девятого, после чего, в ужасе подхватив «ранец, а на нем сияет глянец», полетел в Страну знаний, благо всего лишь наискосок через дорогу, и под укоризненным взглядом дежурившей у входа завучихи мышкой проскочил внутрь. С полученного страха более в ближайшие лет пять я себе таких финтов не позволял.

Кстати, «с ранцем» как таковым я отходил недели две. Потом старшие товарищи приняли нас в интересную игру под названием «дерни первоклашку сзади за ранец вниз», как раз ручка торчит рядом у него за ушами, очень удобно. Если первоклашка хиленький, то коленки его очень забавно подогнутся, а сам он завалится на спину. А если он при этом, что вполне вероятно, еще и запутается ногами в мешке со сменкой – то и вообще будет умора! Я всем рекомендую эту интересную игру... Сам я, правда, хиленьким не оказался, а отец вечером кое-как приладил оторванные лямки на место. Но спустя неделю нас снова позвали поиграть – и далее уже всю начальную школу я посещал с аккуратным таким, красного цвета портфельчиком.

В общем, светлый лик Школы поблек в моих глазах довольно быстро (тоже, полагаю, на откровение не тянет). И «учительница первая моя» оказалась совсем не похожей на тот чарующий образ, который навязчиво подсовывали нам популярная литература и разучиваемые в саду песенки... Не было у нее ни ног в сто десять сантиметров, ни бюста третьего номера, ни, на худой конец, золотисто-русой косы до пояса. Зато были тяжелый характер, какой-то ужасный, сидящий на голове наподобие валенка парик и внук Сашенька, которого она тут же усадила на первую парту и к которому апеллировала по всякому вопросу, дабы дать Сашеньке проявить себя во всей красе. Нет, в целом, конечно, она была тетка ничего, тут просто весь вопрос в соотношении концепций, вымышленной и реальной. В «Б»-классе вон вообще была, за волосы их таскала... С другой стороны, откровенно и между нами говоря – с этими «бэшками» по-другому и нельзя было... просто мы тогда на «продлѐнке» заодно с ними под раздачу попали... а так – это всё они виноваты. Сами.

Но то на уроке, тут Полина Алексеевна за нами хотя бы присмотрит. А на перемене? В туалет сходить, благо он, хвала Провидению, в нашем углу, не надо пробираться сквозь бушующий страстями коридор... но и то лишь пока не начнется борьба за дисциплину и вся курящая публика не спустится из туалета третьего этажа на наш второй. И будет смотреть на тебя уничтожающим взглядом, мол, что пришел, зачем... до дома не мог потерпеть? Не видишь – тут люди делом заняты, а ты своей малой нуждой им мешаешь...

И – дежурные. Когда еще старшим товарищам выпадет такой шанс на законных основаниях разъяснить нам тонкую разницу между понятиями «пендаль» и «поджопник». Да еще на личном примере. Бегал, не бегал – тут я решаю! Я сказал – значит, бегал... «Пацаны, шухер!

„Дежурки“ идут!!!» И мы в ужасе замираем, как в игре «колдунчики», хотя помогает далеко не всегда.

Но хуже всего – пение. «Пеша». «Музыкальный час» я ненавижу еще с садовских времен. Петь я не люблю, не умею и не хочу – а надо. Наставник, Петр Михайлович, как и положено работнику Искусства и служителю Муз, – мужчина экстравагантный. На шее он носит бант, и еще он мультиинструменталист. Это потом уже, в старших классах, он окончательно рассортирует нас на солирующих агнцев и подпевающих козлищ и выработает специальный язык жестов. Безголосые «козлища» сидят поближе, на первых двух рядах, и показанные им четыре пальца – это сигнал заткнуться. Запеваает только четвертый ряд. А, ну пусть себе надрываются... но это потом. А пока он выбивает тебе пальцем по одной клавише, и надо тянуть – «Аааа»... тьфу ты, чёрт... «ааааа»... пся крив, опять не так... «Аааандрей-воробей»... Садись, это два. Ничего не поделаешь, так предусмотрено принципами гармонического развития молодежи, которых Петр Михайлович прогрессивно придерживается: каждому должен быть предоставлен шанс. А еще перед вокальной экзекуцией мы должны выстроиться по стеночке у кабинета Музыки, зажав в ручонках дневнички. Для чего? Ну, «пеша» находится в самом узком месте школы, в переходе между корпусами – наверное, для того чтобы всяк без исключения более опытный коллега, движущийся мимо по своим делам, мог выхватить твой дневничок и непринужденно настучать нам по бошкам – раз-два-три-четыре! Ан-дрей-во-ро-бей!

Но вот вроде все опасности позади: и четыре урока, и «пеша», и завтрак на большой перемене, с сосиской, которая иной раз надкушена кем-то еще более оголодавшим и для маскировки засунута до половины в картофельное пюре, – тут уж как повезет. Теперь вперед, навстречу заключительному испытанию – поиску куртки и мешка со сменкой. Перевесят – не перевесят... и не вздумается ли кому-то использовать твой мешок для любимого тобою же футбола? Я до сих помню тот отчетливый, холодный ужас, когда однажды я облазил и весь наш детский угол, и даже, замирая от страха, обошел все вешалки «больших», и не по одному разу, и вроде вот она уже, моя куртка с олимпийским медведем (нет, ну а с кем же в тот год?), вроде нашлась, и я тяну руки... И вдруг куртка бесследно исчезает где-то в средоточии прочих одежек. И я уже готов разрыдаться от бессилия, потому что не вижу: это отец, взволнованный моим долгим отсутствием, прибежал в школу и теперь тащит ее с другой стороны...

И – скорей на выход! Упражнение «одевание и переобувание» должно быть выполнено не только правильно, но и в строго отведенные временные рамки. Со звонком на пятый урок на вахту у входной двери заступает суровый и неподкупный страж – нянька первого этажа Евдокия Васильевна. Евдокия Васильевна глуха, слепа и плохо соображает, но стоит насмерть. Она знает твердо: ни один потенциальный прогульщик или курильщик не должен покинуть святые стены. Раз начался урок – будь любезен, и всяк пытающийся просочиться сквозь дверь теперь рассматривается, очевидно, как злобный нарушитель спортивного и учебно-воспитательного режима. Маленький, не маленький – говорю же, слепая. И глухая. А выпроситься наружу до двенадцати двадцати, скажем, в поликлинику – задача, в элементарных функциях просто нерешаемая.

А потом – наоборот: вернуться обратно, когда уже «продленка». Потому что нельзя тащить снег, который Евдокии свет Васильевне за нами подтирать. А у меня как назло – белая шерстяная шапка, и ей мерещится ненавистный снег на моей голове, и я захожу снова и снова, и она снова и снова орет «Отряхни снег!», а уже, в общем, и в туалет хочется не на шутку... Но, с другой стороны, нет худа без добра, и на продленку с того случая я больше не приду ни разу...

Ну, достаточно. Ничего оригинального. Все одинаковое настолько, что я даже не помню ни одной выдающейся игры «Спартака» в сезоне «первого класса»... Как-то не до того было, что ли...

Кроме одной, само собой.

Дублер

Кроме одной... Весна восемьдесят первого года – поздняя. На День Победы еще толком нет листвы, хотя уже наконец-то тепло. И это хорошо. Вернее, плохо, потому что мы с родителями едем гулять в лес. Я ехать не хочу, по программе днем – финал Кубка, и играет «Спартак». Но вроде должны успеть вернуться, и я надеюсь, что прошлогоднее фиаско с «Шахтером» будет «закрыто». Тем более что соперничек не ахти, СКА из Ростова-на-Дону, это не самый сильный коллектив в высшей лиге. Но мы – не успеваем. Электричка как всегда опаздывает. Хорошо хоть на соседней лавке едет мужик с радиоприемником и слушает репортаж. Слышно плохо, приемник то и дело не ловит. Но можно разобрать, что мы атакуем. Атакуем, но пока не забили. Еще я сквозь треск помех разбираю, что был назначен пенальти, реализовать который нам не удалось. Но в целом прогноз благоприятный: раз пенальти, хоть и незабитый, то это наше преимущество. Дождем, обязательно дождем – ничьей быть не может! И вот наша станция, я выскакиваю и мчусь домой бегом, с ходу включаю телевизор – не успел... На экране уже – обычная картинка завершившегося матча, оператор берет общий план трибун, комментатор благодарит режиссера Раису Панину (или Яна Садекова, что, как хорошо известно всем любителям спорта, на самом деле одно и то же), но ладно, это не страшно, главное в данном случае – положительный результат, который я... и тут возникает заставка: «0:1. СКА Р-н-Д – обладатель Кубка СССР-81». И все во мне ухает куда-то вниз, и я силюсь и не могу понять, как это произошло... и за окном вдруг снова становится холодно... Май. «Черемухины холода». Вот тебе и опять – «кубковая команда»...

Вот в таком минорном ключе я встретил новую надвигающуюся на меня напасть, имя которой – «лагерь».

Нет, конечно, про лагерь я знал всегда. И что я в него однажды поеду. Художественная литература и кинокартины продюсировали красочный образ счастливого, беззаботного отдыха пионеров: прогулки, игры, купание в реке, сбор грибов и ягод, футбол, конечно... Собственно, я так это и видел: футбольное поле с почему-то высоченной травой, и мы носимся по нему с утра до вечера, с утра и до вечера... Но чем ближе становилось лето, тем сильнее накатывала тревога. А как оно там – на самом-то деле? Без папки-то с мамкой? Почти полтора месяца? Кто, скажем, будет заворачивать меня в полотенце после ванной? Да и как мы будем туда ходить? Маловероятно, что в лагере будут стоять ванны сразу на всех... по очереди залезать, что ли? Пока хватало школьных забот и треволений, размышлять об этом было особенно некогда – но вот школа подходит к концу, и разнообразные вопросы стальной лапой все сильнее берут за горло.

Покидаемые папка с мамкой, надо заметить, внесли свою изрядную лепту, непрерывно распевая песню со словами «Отдохнешь, наберешься сил, подружисься с ребятами, с водителями, будете играть, ходить на линейки, свежий воздух, запишешься в кружок какой захочешь...». В конце концов я и впрямь в это поверил. Ну, почти поверил...

И вот этот торжественный день настал. Был снят с антресолей крокодиловой кожи чемодан, на него наклеена бумажка с моей фамилией, и на вещи нашиты бирки с ней же, и на серванте гордо выставлена чем-то вкусным пахнущая путевка, собран в сумку «гостинчик» в дорогу из расчета, что ехать нам как минимум трое суток, и мне в который раз напоминают о необходимости регулярно чистить зубы и насухо вытирать после мытья ноги... И вот мы уже собираемся во Дворце спорта, строимся под табличкой «Тринадцатый отряд», в воздух взлетает последнее «прости-прощай», мы грузимся в автобус, крепко прижимая к груди «гостинчики», рассаживаемся, чувствительные мамы смахивают слезы, автобус трогается, и я торжественно скидываю руки. Так, как это делают футболисты после забитого гола!

Тридцать лет прошло, и все это время мать пеняет мне данным эпизодом. Мол, все дети расстроились, многие даже расплакались, прижимаясь носом к стеклу и размазывая по нему тушь и сопли, – один ты обрадовался, что из родительского гнезда вылетаешь... что мы тебе плохого сделали, сынок?! И все тридцать лет я оправдываюсь, раньше устно, а теперь, наконец-то, и через свободную демократическую прессу и средство массовой информации.

Да не обрадовался я!!! Просто я послушный. Был. Сама же рассказывала, как первый день меня в сад отвели и как я в тихий час лег и уснул. Воспитательница все поражалась потом, мол, уникальный случай в многовековой педагогической практике... обычно же доходит до истерик, отрывания подолов и покушений на собственную и чужую жизни... а тут раз – и под одеяло... Ну мне ведь сказали: «Тихий час, надо спать», – я же не буду спорить, хотя если и хотелось уснуть, то лучше бы сразу вечным сном... Так и здесь. Сказано: «Будет радостно!» – вот я и изобразил радость. Так, как ее всегда показывали кумиры. Вот и все! А так, конечно, на душе скребло и рвалось на части...

Зато с соседом по коленкоровому сиденью, кажется, повезло. Во-первых, он рослый, как и я. А то был эпизод на весенних каникулах, когда бабушка отвела меня в кино на утренний сеанс, и я, коротая время в фойе перед началом, подошел к одному маленькому мальчику, познакомился с ним, а затем с важным видом поинтересовался, как он закончил третью четверть, много ли пятерок, если не брать, конечно, в расчет «пение»... А мальчик посмотрел на меня и робко так ответил: «А я еще в школу не хожу...» То есть вышел натуральный конфуз, и я, роняя лицо, задружился с никчемным малолеткой... Во-вторых, этот Андрюша Кружков – и в самом деле крутой парень! Например, он спросил, отобрала ли у меня медсестра «Байкал» из «гостинчика», и, когда я подтвердил, что да, таки отобрала, Андрюша с гордостью заявил, что у него хотели отобрать, но он не отдал! Правда, на просьбу поделиться счастливо сохраненным напитком Андрюша отреагировал как-то вяло. Потом мы с ним поиграли в «камень-ножницы-бумага», и Андрюша выиграл, потому что каким-то образом сумел убедить меня, что в решающем раунде при счете 9:9 «камень» может оказаться сильнее «бумаги». А потом на остановке, когда девочки ушли налево, а мы направо, он предложил еще более интересную игру, смысл которой состоял в... впрочем, ладно.

По возвращении в автобус сфера интересов Андрюши была расширена. Спасенного от расправы «Байкала» мы так и не увидели (по слухам, конфискованное питье медсестра, вступив в преступный и коварный сговор, отдавала вожатым, а те уже тайком от нас выпивали его сами – это тоже поведал мне мой новый друг). Зато у мальчика, сидевшего наискосок от нас, октябренок Кружков отобрал «Буратино», поделив его, правда, по совести: половину выпил сам, а оставшееся вылил мальчику обратно на голову. А чтобы мальчику было чем вытереться, Андрюша вытащил бант из кудрей какой-то очень кстати оказавшейся рядом девочки. А еще одному мальчику Андрюша двинул по уху просто так, минуя, так сказать, прелюдию и предварительные ласки, – в общем, совершил массу хотя и не вполне одобряемых общественной моралью, но весьма пацанских поступков. А когда наш вожатый Витя сделал ему замечание, Андрюша четко доложил, что дедушка его – генерал МВД и что в случае чего – за дальнейшую карьеру Вити в Органах он, Андрюша, не ручается. Поскольку вожатых в наш лагерь с гордым именем «Дзержинец» традиционно набирали из курсантов высшей школы милиции, над посулом питомца Виктор, наморщив лоб, призадумался...

Тут мы наконец-то приехали. В Лагерь. Асфальтовые дорожки с наглядной агитацией по бокам и длинные корпуса вогнались в смертную тоску. В столовой пахло хлоркой и казенной едой, тут же заставив вспомнить самые тягостные минуты детского сада – память «по запахам» вообще самая эмоциональная. «Палаты» с застеленными к нашему приезду кроватями смотрелись более чем сумрачно. Футбольного поля я что-то на горизонте не приметил. Составив чемоданы на веранде, мы направились на обед, а потом по команде выстроились в шеренгу

по двое. После чего Зло, как это редко, но все же случается в нашем лучшем из миров, было наказано. Появилась старшая воспитательница и сообщила вожатым следующее:

– Тринадцатый отряд? У нас получился перебор по детям... В двух палатах на двадцать восемь кроватей, ну хорошо, по две еще можно поставить. А ребят тридцать три... Одного надо куда-то как-то пристроить... перевести в другой отряд. Виктор, что вы скажете?

Тут, надо заметить, Виктору много времени на анализ сложившейся ситуации не потребовалось, и он, ласково, можно даже сказать «елейно», улыбнувшись, произнес:

– Слышь, ты, генеральский внучок... иди-ка сюда! – и, уже повернувшись к воспитательнице, добавил: – Вот. Андрей Кружков. Искренне рекомендую!

Воспитательница пошуршала бумагами и просияла:

– Кружков? А, ну так очень хорошо! Он же на год старше, оказывается... а в десятом отряде как раз есть свободные места. Андрюша, выходи из строя – где твой чемодан?

Кружков понуро вышел. Но история не закончилась.

– Да, десятый отряд... – продолжила старшая воспитательница. – Правда, там 71-й год рождения (мы – 73-й. – *Прим. авт.*), он там самый младший будет... Ребята, никто не хочет составить Андрею компанию в новом отряде?

Тут я не знаю, что на меня нашло. В конце концов, вопрос был поставлен в не самой жесткой формулировке – не «надо позарез, это приказ», а всего лишь «никто не хочет?». Возможно, сказались накачка и некоторый избыток патриотического воспитания на уровне «Сам погибай, а товарища выручай» и «Русские на войне своих не бросают», а также ложно понятое чувство локтя... не я же, в конце концов, заставлял его поливаться «Буратиной»... Но как бы то ни было – нашло, и я совершил, возможно, один из немногих мужественных и ярких поступков в своей жизни. Аналогичные примеры подобрать довольно сложно... еще раз я сам, лично, вызвался исполнить Петру Михайловичу песню, слова которой все вдруг позабыли, а я помнил. Исполнил сам, один, без ансамбля. Ну и еще женился, конечно, это да. Вот, пожалуй, и все, что приходит на ум... В общем, я культурно поднял руку и тихо сказал:

– Я...

– Ну вот и хорошо! Фамилия твоя как, чтобы я пометила?

И мы поплелись в десятый отряд. Вид встретивших нас десятилетних лосей, уже, ко всему прочему, самых настоящих пионеров, поразил меня в самое бешено заколотившееся сердце. Я понял, что совершил самую непоправимую ошибку в своей, которая, очевидно, так и останется короткой, жизни...

Судьба. Случай. Я часто говорю об этом и еще не раз скажу. Наверное, так было надо. Да, именно так. Зато я сразу узнал о лагерной жизни гораздо больше, чем узнал бы среди себе подобных за все лето.

Я вполне, как ни странно, прижился в новом отряде. Закрепился на позиции своеобразного «сына полка», и пионер Алексей Кузнецов взял надо мной персональное шефство и патронаж. Особенно когда организовал игру в рыцарский замок и его штурм, а я оказался способен за два тихих часа производить до десятка пластилиновых рыцарей в полной экипировке, а если легковооруженных воинов или лучников – то и до полувзвода. Это мое единственное дарование в сфере Искусства, а настоящее Искусство, как известно... в общем, люди сохраняют все, что им нужно.

Судьба же Андрея Кружкова сложилась не столь счастливо. Можно даже сказать, что и совсем не счастливо. Авторитарные методы, с успехом примененные им среди сверстников, в новых исторических условиях оказались бесполезными и даже обернулись против него самого. Кажется, все началось с того, что он попытался навязать Алексею Кузнецову свои правила игры в «камень-ножницы-бумага»... В печальном итоге Андрея Кружкова среди смены

из-под кровати забрал дедушка. Под покровом темноты, так что мы толком и не разглядели, настоящий он генерал или выдуманный.

Этот пример среди прочего показывает, как тяжело иной раз дается переход из дублеров во «взрослый» футбол и как звезды юношества растворяются подчас среди «мужиков». И наоборот, загораются новые, ранее незаметные.

Но это лирика. И это было – потом. А пока – было самое первое утро в лагере. И я проснулся раньше и лежал в своей кровати у окна, ожидая сигнала вожатого на подъем, – горн, как мне разъяснил Алексей Кузнецов, дается только после Открытия. И вороны, просто чудовищно орущие вороны за окном! И откуда их вдруг столько взялось...

Мечта

Если говорить начистоту, то во всем был виноват Фиолетов, который... а, стоп. Или уже была глава с таким названием? Да, точно – была... Впрочем, оно и неудивительно. На то оно и детство, чтобы была Мечта. Даже много мечт. Это со временем они заменяются на цели, задачи и прочие эрзацы, суррогаты и «ароматизаторы, идентичные натуральному» той или иной степени реальности и достижимости – а сами мечты куда-то исчезают... Но хорошо. Назовем по-другому. Хотя смысл на самом деле останется прежним.

Ояма (белый пояс)

Итак, во всем следует винить Фиолетова, и он же в итоге едва не поставил кеды в угол... то есть в каком-то смысле – даже и поставил. Что справедливо.

Наверняка такой персонаж есть в любом пубертатном коллективе. Даже если его и не обнаруживается изначально, то за достаточно короткий срок он, подобно коацерватной капле, самозарождается из тех, что имеются в наличии. Основной характеристикой персонажа является то, что он, грубо говоря, любит маленько прихвастнуть. Причем обязательно – за твой счет и в несколько уничижительном для тебя ракурсе.

Выйдешь, к примеру, погулять во двор, лелея в кулачке своего драгоценного единственного викинга, залезешь в песочницу, выстроишь ему замок для обороны – и вдруг слышишь: «Да у меня этих викингов два набора, там и с мечами, и с арбалетами, да еще цветных, а не как у тебя просто коричневый, а еще индейцев набор, а еще ковбоев штук двадцать, и копье у моего снимается...» И ты обольешься внутри себя горючей слезою зависти и робко скажешь: «Ну вынеси... давай поиграем в войнушку... или поменяемся, раз у тебя много... или хоть просто дай посмотреть...» А в ответ тут же слышишь: «Не, не могу... поломаешь еще. Или стащит кто... Бабка в магазин ушла, дверь заперла, а у меня ключей нет...» Но вроде как все равно: у тебя один викинг, а у него – двадцать пять.

Или, скажем, раздобудут тебе родители кроссовки популярной чешской марки «Ботас». Не вожделенный «Адидас», конечно, но тоже красивые. Импортные! И не успеешь еще толком форснуть – как рядом раздастся: «Ой, ну ты просто позор... ботас какой-то... Вот у меня – „Адидас“ родной, и кроссовки, и бутсы, бутсов даже двое, еще „Пума“, и на „Пуме“ этой еще – так и прикинь, автографы Пеле и Юрия Гаврилова...» И неважно, что на футбольном поле источник звука никогда не наблюдается и в данный момент обут в регулярные «Два мяча» – это потому, что боится порвать, испачкать, да и вообще, какой смысл играть на полуземляном покрытии, когда он играет на настоящей траве... И ты опять как бы не на пике моды оказываешься, как предполагалось, а плетешься в самом хвосте актуального тренда. И так далее.

Само собой, и в нашем десятом отряде подобный фрукт имелся. На третий день нашего пребывания в лагере, аккурат перед Торжественным Открытием – под покровом тихого часа вышел в нашей палате спор на злободневную тему: кто сколько за раз может выпить «фанты». А еще лучше – «пепси-колы». В честь Олимпиады, как известно, был запущен не только Мишка, но и лицензионная линия по розливу этого ярко раскрашенного сиропа, и указанные напитки из элемента буржуазной роскоши превратились в доступную форму проведения молодежного досуга. Вернее, как сказать «доступную»... сорок копеек (или что-то около того) – подороже пива, причем ведь и бутылка 0,33, а не пол-литровая – но все-таки.

Спор вышел ожесточенный. Назывались разные показатели, в основном от двух до четырех с половиной. Я со своим единственным раз выпитым полстаканом с некоторым даже испугом поглядывал на объявившихся монстров водохлебства. А победу было одержал мой наставник Алексей Кузнецов, который сразу утвердился в отряде на позиции неформального лидера. Заявление Алексея, что он лично за раз выпил пять, причем залпом, не отрываясь, и еще сделал два глотка из шестой, лишь упрочило его доминирующее положение альфа-пионера... БЫЛО одержал победу.

Потому что после некоторой паузы раздался голос Александра Фиолетова, который с некоторой даже ленцой доложил следующее. Что они как-то со старшим братом прогуливались вдоль железнодорожных путей в своем родном районе. И вот так, неспешно прогуливаясь и ведя беседы на разные темы, вдруг набрали на целый вагон с пепси-колой. Да, именно так, запросто. Как раз во время его разгрузки, в которой разгружающие очень попросили их с бра-

том принять посильное участие. И в благодарность за которую выдали им полный ящик означенного напитка. Даже два ящика. «Еле дотащили! – закончил Фиолетов. – А уж пили потом! Один ящик – брат, а второй – я... ну, может, не целый, но почти...» Я испытал острую горечь оттого, что, ходя вдоль Платформы, слишком много внимания уделял Расцепщику Вагонов... а оно, видишь, надо было пристально смотреть, не разгружают ли где чего вкусенького. Прочие уважительно закивали головами. Альфа-позиции Алексея Кузнецова на какое-то время пошатнулись.

Фиолетовский брат вообще выходил по всему фигурой масштабной. В свои двадцать с небольшим лет он успел стать чемпионом «Эсэсэра» по нескольким видам единоборств, включая самбо, дзюдо и бокс. И еще, кажется, по чему-то экзотическому игровому, вроде хоккея на траве. Отбыть небольшой срок за нанесение тяжких телесных в пределах самообороны. «Он бы и убил, – всегда пояснял Фиолетов, – но он клятву же давал, что не будет применять смертельных приемов...» Наконец, отслужить в Афганистане, получить там орден и даже привезти с собой оттуда пленного душмана и поставить при себе денщиком, но потом по доброте душевной отпустить. Ну и еще ряд деяний, размахом крыла поменьших, но тоже эпических и исполинских. (Только не спрашивайте, откуда мы знали про Афганистан. Оттуда. Это, может, кто из взрослых не знал, а дети всё знали.)

Кульминация и апофеоз наступили во время отчета моего куратора о том, как он ходил к девичьей душевой «зазырить» вполне уже четко обозначившуюся грудь пионерки Козловой Анны, к каковой (как к груди, так и к Анне в целом) Алексей сделался с течением смены крайне неравнодушен. Я, кстати, при сем акте присутствовал в качестве стоящего «на шухере»: Алексей справедливо рассудил, что октябренок вызовет гораздо меньше подозрений в половой распущенности. До сих пор жалею, что выполнил свою миссию так же, как и герой рассказа Пантелеева «Честное слово»: «шухерить» в итоге не пришлось, даже близко никого не прошло – а «зазырил» бы тоже с удовольствием. Анна и в самом деле была очень ничего... немного старовата, конечно, на мой взгляд, ну да ладно.

Но не успели еще под томные вздохи отзвучать последние ноты сверхэмоционального отчета, как мы услышали уже порядком поднадоевшее вступление: «Да ладно, у этой твоей Аньки – не сиськи, а торчат как два прыща... Я, если хочешь знать, их зырил еще раньше тебя, и тыщу раз... и даже щупал, когда к ним в палату лазил, а бабы все спали. А в Москве у меня – пятиклассница знакомая, вот у нее да, вот там да-а... мы тогда с ней и с братом (ну куда ж без него! – *Прим. авт.*) гуляли у себя и...». Чем закончилась прогулка, мы узнать не успели, так как оскорбленный в лучших чувствах пионер Кузнецов одним ударом вышиб пионера Фиолетова из койки и потом, загнав под нее, долго лупил его ногами и руками. Несильно, успокою я встревоженных читателей. Но долго – это факт.

Собственно, Фиолетова забили бы ногами и насмерть гораздо раньше, и было за что. Но, как известно, достоинства – это зачастую продолжение недостатков (верно и обратное утверждение). И такое достоинство у Фиолетова имелось: вра.. (зачеркнуто) рассказывал он действительно интересно, особенно когда рассказ не задевал чьих-либо чести и морально-волевых качеств, а также движимого и недвижимого имущества – а развивался на свободную тему. Про старшего брата, к примеру. Как тот ходил на единственное выступление ансамбля «Вопей М» в Москве. «Прикиньте, они же запрещенные! А тут приехали, потому что им Брежнев на один раз разрешил. Потому что они хоть и из ФРГ, но негры... Билеты по сто рублей, и тех не достать! Но брат мой достал, пошел... Короче, приходит, сначала не начинали, а потом занавес поднимается – а они там на сцене стоят все голые и в цепях!!! Типа пародия на Советский Союз... Ну, их, конечно, тут же арестовали, а со всех, кто в зале был, взяли расписку, что они ничего не расскажут, брат только мне по секрету рассказал...»

Имелся в арсенале, само собой, и неисчерпаемый запас классических страшилок. Стоило сгуститься тьме и затихнуть на веранде шагам контролирующего процесс «отбивания» вожатого Володи – тень Фиолетова появлялась из-под одеяла и замогильным голосом затягивала: «В черном-черном городе, на черной-черной улице, в черном-черном доме, в черной-черной квартире... А потом выезжает гроб на колесиках, а в гробу – покойник, только живой, а на покойнике – вурдалак... А одна бабка купила картину, а на картине – цыганка. И ночью эта цыганка оживала, сходила с картины и шла по улицам. И кого видела – того убивала длинным ногтем, прямо в сердце... особенно пионеров, потому что пионеры носят красные галстуки, а красный – это цвет крови, вот ей и мерещилось... уууу!!!»

Но это – ночью. Днем и без того хватало занятий. Начали, как уже упоминалось (и к моему великому везению), со строительства и оборудования пластилиновой фортификации. Потом мы три дня непрерывно играли в «мафию», но не как сейчас, в типа интеллектуальную – а в настоящую, со стрельбой, погонями и вендеттой. Потом неделю все играли в футбол – тут, к сожалению, без меня, все-таки юниорство сказывалось. А потом в один прекрасный день в нашу жизнь плотно вошло Оно:

Каратэ.

Комиссия

Каратэ, на короткий срок легализованное в те дни на нашей Родине, захватило наши сердца мгновенно и полностью, вытеснив из них все остальное. Из сердца Алексея Кузнецова даже на какой-то период была вытеснена Анна Козлова. Личный рейтинг каждого отдыхающего складывался теперь исключительно из количества знаемых им «блоков», все остальные параметры были упразднены. Удары типа «урмаваши» и «ёкогири» отрабатывались при каждом удобном случае и без получения согласия объекта, так сказать, отработки. То есть того, на ком отрабатывались. Если он, конечно, не успевал выставить соответствующий «блок». Я, как умел, тянулся вслед за старшими товарищами. Ну и уже излишне, думаю, говорить, кто служил основным источником информации по предмету.

«Там, значит, самый главный – Ояма. Только он может черный пояс присуждать... а у самого у него их – два. Он и брату моему присудил... Ояма, если его в наручники заковать, разрывает, и стенку бетонную может голыми руками пробить, если в тюрьму посадят, и даже от пуля может уворачиваться. Мне брат показывал как, только сказал, что никому больше показывать нельзя. И патронов мне брат из Афгана привез, целую обойму... да не гильз, говорю тебе, гильзы вон и после „Зарницы“ можно насобирать, на черта они, стреляные-то! Патроны, настоящие... И на кимоно у него на правой руке и ноге по нашивке, что ему ими бить нельзя, потому что смертельный удар. Но вообще, Ояма – за справедливость и никогда первый не бьет. Он и брата моего так учил: только если на тебя нападут, тогда уже можно...» И мы, разутые, потому что настоящие каратисты не носят обувь, жадно впитывали каждую крупицу Знания.

Вскорости до нас дошло очевидное. Если наш Володя – курсант школы милиции, почти уже выпускник, то наверняка же он знает каратэ! Ведь как иначе он будет задерживать преступников, если, скажем, оружие заклинило или патроны закончились? Да наверняка знает. И покажет нам новые приемы, блоки и удары, потому что Фиолетов, знамо дело, повествует увлекательно, но показать конкретно всякий раз отнекивается, якобы брат не велел, и мастерство наше не прогрессирует, и такими темпами мы до конца смены оформить себе черный пояс не успеем, а хочется.

Всю эту информацию Володя подтвердил, а потом, собрав нас для приватной беседы, веско сказал:

– Но вы должны понимать, мужики, что каратэ – это искусство защиты, а не нападения. И что настоящий каратист никогда не ударит первым, а сделает все, чтобы драка не состоялась, и вообще: главное – это Справедливость. Усекли?

Мы яростно закивали головами в знак усечения.

– Отлично. Тогда скоро начнем.

Знаете, что такое Счастье? Так вот это было – Оно!!!

Правда, по техническим причинам начать скоро нам не удалось. Сперва на нас обрушилась подготовка к смотру строя и песни, а к этим компонентам, как нетрудно понять, в лагере под юрисдикцией МВД внимание было повышенное. А затем настал черед и самого ответственного (с точки зрения взрослых) события – Комиссии...

«Комиссия» – это такой набор высокопоставленных и уполномоченных дядек из обозначенного Министерства, которые один раз за смену прибывают в месторасположение, дабы со вкусом, на свежем воздухе и в приятной компании выпить за казенный счет маленько водки под сбалансированное подростковое пита... то есть я хотел сказать – тщательно, скрупулезно проверить, как проходят летние вакации у подрастающего поколения, всем ли довольна будущая смена своих отцов и матерей, нет ли у них каких вопросов, нареканий и так далее. По результатам проверки возможны как поощрения и благодарности руководящей верхушке

вплоть до присвоения внеочередных воинских званий, так и... Впрочем, нет. Никаких «так и...» быть не может.

Потому что за три дня до внезапного прибытия Комиссии весь лагерь переводится на усиленный режим несения отдыха. Корпуса и прилегающая территория силами личного состава приводятся в состояние зеркального блеска, и за брошенный на «зону пионерского действия» фантик, а у старших так называемых «детей» не дай бог окурков весь отряд в полном объеме может загреметь на гауптвахту и остаться без сладкого. Творчески одаренные ребяташки под бдительным присмотром репетируют насыщенную и идеологически выверенную концертную программу, пугая неодаренных сто тридцатым за день громовым исполнением «Марша нахимовцев», а те отрабатывают действия массовки в зрительном зале и в который раз выслушивают указания вожатых на случай возможных разумных контактов с Комиссией на уровне «вопрос – ответ». Все очевидно.

И вот час пробил. Можно даже сказать – «тихий час» Дня Комиссии. По одобрительному выражению лица Володи мы понимали, что уж во всяком случае наш отряд со своей задачей справлялся отлично. Промаршировали, проорали «Наш девиз!» на твердое «пять», в столовой за обедом продемонстрировали отменный аппетит и неплохие навыки культурного поведения за столом, четко отошли к дневному сну – оставалось лишь, не снижая темпа, провести полдник, после чего с высокой вероятностью можно было прогнозировать убытие Комиссии восвояси и подачу команды «Вольно!..».

... Не знаю, что на меня нашло. Я никогда не страдал недержанием и, как и подавляющее большинство читателей мужского полу (я уверен), пожалел об этом один-единственный раз в жизни – на призывной комиссии военкомата. Вот в группе садовской был у нас мальчик – вот он страдал! У него даже матрас был без номера: у всех по номерам, а у него – просто клеенкой обшитый по периметру, даже номера не надо, не спутаешь. А ведь за такой матрас в качестве неоспоримого свидетельства многие дорого бы тогда дали. Особенно низкорослая, ниже 160 см публика, кто по генетическому коду, а кто и по причине недоедания и подросткового курения, и кому на приписное свидетельство ломился подводный флот и три года службы на нем... А так – предъявил такой матрас – и свободен! Но тут мы забежали слишком далеко вперед...

Но вот именно в тот день – нашло. Можно даже сказать – нахлынуло. Предстартовое волнение, не иначе. Или призывной, за отличную маршировку, компот... А беда заключалась в том, что туалет у нас был на улице. Причем весьма и весьма далеко, на самом отшибе, в кустах у забора. То есть, с одной стороны, понятно, не у столовой или «линейки» его учреждать – но с другой... В обычные дни Володя нам, ничтоже сумняшеся, ставил ведро на ночь – нет, а что, да, настоящие каратисты тоже писают. Но, ясное дело, ни о каком «ведре» в день Комиссии речи быть не могло.

– Лёх! Лёх! – шепотом позвал я Кузнецова, на всякий случай не открывая глаз, а то вдруг зайдут в этот самый миг. И кратко изложил ему суть проблемы.

– Ну, в ведро сходи! – так же шепотом из-под закрытых век ответил мне куратор.

– Так нету ведра сегодня... – напомнил я.

– Ну не знаю. Терпи тогда. Можешь терпеть?

– Пока могу. Но недолго еще. До подъема сколько?

– Не знаю. Может, полчаса. А может, и час. Легли недавно ведь.

– Полчаса протерплю. А час – точно нет...

Минуло еще около тридцати колов напряженнейшего внутреннего времени. Две тысячи ударов сердца. Может даже, две с половиной. Вожделенного горна на «подъем» все не было. Я снова позвал пионера Кузнецова:

– Лёх, все... совсем кранты.

– Ну, сходи в туалет. Не обоссаться же тебе теперь, – посоветовал мне попечитель.

– Сходи со мной, а? – взмолился я.

– С ума сошел? А Комиссия? Засекут – обоих из лагеря выпрут. А мы сегодня с Анькой целоваться вечером договорились в кино. Не-а. Иди один.

Ну в самом деле. Не это же самое, как Алексей и сказал.

Судорожно путаясь в штанинах, я кое-как оделся – и пошел.

Территория, вылизанная нашими стараниями, выглядела особенно пустынно. Полуденная тишина была гнетущей. Короткими перебежками, согнувшись и озираясь из-за естественных укрытий, я тенью скользил в требуемом направлении. И вот уже заветный голубой домик – на расстоянии одного, последнего рывка...

Как любят говорить спортивные комментаторы: «Именно этих голов (очков, секунд) ему и не хватило на финише...» В данном случае – не хватило нескольких метров, и, осознавая, что вот уже реально ФИНИШ, я пристроился у какого-то чахленького деревца.

Разумеется!!! Ну разумеется, ровно в этот самый миг из домика выплыла Комиссия в своем самом полном составе. Ряд косвенных признаков свидетельствовал, что голубое строение она навещала не только лишь с инспекционными целями, но и по прямому назначению. Настрой Комиссии после теплого приема был благостным. Пиджаки расстегнуты, галстуки ослаблены, и верхние пуговицы рубашек распушены тож. Впереди, судя по всему, довольно вышагивал самый главный Комиссионер, остальные почтительно семенили чуть сзади. В ужасе, не зная, что и делать, я попытался было, не дожидаясь естественного окончания процедуры, запихнуть свое небогатое хозяйство внутрь. Остальное тоже сжалось и скукожилось в предчувствии самого наихудшего. «Из лагеря выпрут... отцу на работу сообщат... жизнь кончена...» Но неожиданно...

– Вот! – неожиданно радостно воскликнул Самый Главный. – Вот! Я же тысячу раз говорил Пахомову (начальник лагеря. – *Прим. авт.*) ... Все хорошо – но перенеси же ты туалет поближе к корпусам!!! Ну как можно заставлять детей ходить в такие /.../ («глухое, заброшенное место», пер. с рус. – *Прим. авт.*)!!! Вот видишь – и парнишка даже не успел добежать... Куда ему – тут и взрослый-то еле дойдет. Ты ведь не успел, да?

– Не успел... – сдавленно просипел я в ответ.

– Ну, а я что говорю... Сейчас еще раз обращу на это его драгоценное пахомовское внимание. Ты из какого отряда, малыш?

– Из тринадцатого... – на всякий случай соврал я. Ну, не «соврал»... не сказал всей правды.

– Ну, беги в отряд. Отдыхай, до подъема еще полчасака...

Не знаю, конечно... но, думаю, это сам знаменитый «Ояма» и был. Ну а что – может же он проходить сквозь стены, а значит, и вообще свободно перемещаться если не во Времени, то в Пространстве – уж точно. А самое весомое доказательство – настоящий Мастер никогда не ударит первым. Тем более – слабого. И вообще сделает все, чтобы избежать драки.

Потому что самое главное – это Справедливость.

Ояма (черный пояс)

А потом произошло главное, можно даже сказать «знаковое» событие, окончательно расчертившее нашу смену на «до» и «после». Один мальчик, дай ему бог здоровья, заболел корью, а может быть – краснухой, и весь наш отряд во избежание и в целях профилактики переселили в «карантин»...

«Карантин» в нашем случае являлся огороженным пространством где-то на самом краю «территории», и проживали мы теперь не всем скопом, а автономно, в строительных вагончиках на две комнатухи по четыре человека в каждой. С персональным, между прочим, ватерклозетом. Нудные общелагерные мероприятия типа утренних и вечерних «линеек», физзарядок и прочего были для нас отменены, столовались мы теперь после всех остальных, поднимались утром не по горну, а исключительно по желанию и настроению – в общем, наступил натуральный рай на земле! Разумеется, все с удовольствием предались своим излюбленным формам проведения свободного времени, благо было теперь его хоть отбавляй.

Например, пионеру Виктору Мальцеву, записанному в кружок авиамоделирования, руководитель кружка лично доставил несколько сборных моделей на выбор. После чего рукастый Виктор, немного покумекав и слив детали в одну, явил нам хоть и абсолютно социалистически некорректный, но великолепно исполненный макет истребителя «Мессершмитт Вф.109». Пионер Макаров провернул удачную сделку с охранявшими наш лагерь солдатиками внутренних войск, обменяв им щедрую родительскую посылку, – и теперь после приема пищи, практически не таясь, покурил в беседке овалы папиросы «Полет». Пионер Алексей Кузнецов с пионеркой Анной Козловой в своих отношениях дошли до того, что... впрочем, докладам Алексея мы не доверяли полностью, так как уроки общения с Фиолетовым явно не прошли для него даром. Сам Фиолетов тоже был в ударе: ночные истории его раз от раза леденили кровь все сильнее, мы с ужасом прислушивались к звукам, доносившимся из индивидуальной канализации вагончика, и... в общем, повторюсь, но туалет рядом был очень и очень к месту. И так далее.

А самое главное – теперь-то водителю Володе уже никак было не отвертеться от своих обещаний касательно «каратэ». Времени было предостаточно, начальство к нам заглядывало редко, а и правду сказать – вообще не заглядывало, если не считать дежурной врачихи, навещавшей нас по утрам с целью поиска сыпи на «прессе»... но сыпи не было, потому что «пресс» мы качали регулярно, понимая, насколько значим «пресс» для каратиста. Посреди «карантина» имелась даже подходящая гладкая площадка размером как раз с хорошее «татами». И однажды...

– Хорошо, – сказал Володя, – завтра. После завтрака отдохнете, чтобы пища улеглась, – и начнем.

– Завтра! – хором закричали мы. – Завтра! И тут же принялись с удвоенной энергией «набивать» костяшки пальцев о бетонную и асфальтовую поверхность. Даже пионер Макаров по такому случаю выбросил бычок и пообещал никогда больше не возвращаться к этой вредной привычке. Завтра...

Вечером мы идеально провели «отбой» и улеглись ровно в десять часов, дабы ничем не расстроить нашего грядущего сенсэя и не дать ему ни единого шанса придрататься и под надуманным предлогом отменить Первую тренировку. После чего Фиолетов веско сказал:

– Ладно, хватит разговоров. Пора «вызывать». Я у баб и зеркало уже взял... (Ха-ха... «бабы»... десятилетние... смешно теперь и сказать! – *Прим. авт.*)

И в чем-то Александр был, безусловно, прав. Уснуть сразу в такой момент и впрямь было бы проблематично.

Знаете, что такое «вызывать»? Нет? Эх, чувствуется – не бывали вы в лагере...

«Вызывать» – это, собственно, и означает «вызывать». Это переход от потусторонней теории к реальной практике. От пустых, хотя и занятных, рассказов про духов, цыганок, летающие гробы и оживших покойников – к непосредственному, взаимообогащающему общению с ними. Выяснению тайн и загадок Прошлого и Будущего. Ну и предсказанию Судьбы, конечно. Куда же без нее.

После короткого совещания на ерунду решили не размениваться и вызывать сразу «Черную Руку». Страшнее нее все равно ничего не было. Дождавшись, пока июньская ночь полностью вступит в свои права, Фиолетов прокрался в свободный угол вагончика и каким-то особым, одному ему известным образом установил там зеркальце и пустой башмак. После чего завывающим голосом трижды прогудел: «Черная Рука, появись!!!»

Пионеров Кузнецова, Макарова и октябренка Лебедева тут же повлекло до свежего воздуха от ужаса, но виду они не показали, только клацнули в темноте чьи-то зубы. Резкий луч белого света внезапно прочертил комнату – это вышла из-за тучи полная луна. Зубы клацнули вторично, и потянуло сыростью – возможно, замогильной, но возможно, и естественного происхождения. Пронзительно каркнула ворона, а потом где-то совсем рядом дурным голосом проорала птица выпь, после чего зубы клацали уже не переставая...

Стоит ли и говорить, что Черная Рука не заставила себя ждать. Сначала из зеркала неуверенно потянулся один палец, затем второй, и наконец вылезла полноценная кисть в черной перчатке. Вслед за кистью показался рукав, и вся конечность начала стремительно увеличиваться в размерах. Довольно быстро Чёрная Рука достигла полутора метров в длину, и пальцы ее начали зловеще шевелиться, словно осваиваясь в пространстве. Наконец Рука выбрала себе жертву, и щупальце ее, медленно поплыв в воздухе, устремилось к горлу вызывающего пионера Фиолетова, как оно изначально им же и предсказывалось...

«АААААААААААА!!!» С ужасными воплями мы, как были в трусах и майках, молотя пятками по бетонной дорожке, устремились к вожатскому вагончику. Полагаю, результат, который мы показали на этой импровизированной двухсотметровке, сделал бы честь и гораздо более старшей возрастной группе. А показав и взлетев на крыльцо, принялись отчаянно колотить в дверь во все восемь кулачков. «Ааааааааа!!! Володя! Володенька, открой!!! Там – Рука...»

Дверь открылась не сразу. Прошло еще несколько мучительных секунд, за которые Черная Рука успела настичь нас и практически удушить Фиолетова, тот уже извивался и предсмертно захрипел. Наконец дверь распахнулась, и на пороге показался Володя, который... ну, надо же понимать, что не одни мы пользовались отсутствием Руководства... взрослым тоже ведь надо отдохнуть... Причем, судя по одной уже опустевшей и одной едва только початой бутылке красного, томный, романтический вечер был как раз в самом разгаре... В общем, на пороге показался Володя в надетых карманом наперед профильных динамовских штанах.

– Володя... спаси... Рука... – из последних сил выдохнули мы.

– Какая еще нахер «Рука»??? Вы что, осатанели совсем????!!! Я вам сейчас дам такую «руку» – своих больше не увидите...

И вожатая Оля, завернутая в простыню, из-за мощной Володиной спины выразительно покрутила нам наманикюрным пальчиком у виска, а потом постучала кулачком по накрученной по случаю свиданки на бигуди изящной головке...

Но что характерно – зла на нас Володя не затаил. И первая тренировка на следующий день все-таки состоялась. И участвовали в ней именно что мы четверо. Начали с основного для каратиста – с правильной «стойки». Ноги на ширине плеч, руки вытянуты вперед, дыхание размеренное, в руках подушка, последний пункт – обязательно. И руки не опускать. Сколько так сможете простоять – пять минут, десять? Этого мало. Нужно стоять столько, сколько ска-

жет сенсэй, никак не меньше... И – блок. Хотя есть удары, против которых никакой «блок» не поможет. Вот, например, уверен, что против удара «мощный Володин поджопник» – никто не найдет защиты. Даже знаменитый Ояма!..

А потом...

В тихий час Фиолетов провозгласил следующее: «Смотрели с братом тогда кино про индейцев... Да не по телику, какой телик! По телику только две серии показывали, а всего их двадцать, и у меня все есть. Даже двадцать пять. По виду, конечно, какой телевизор! Брат из Афгана привез, трофейный. „Панасоник“!!! Там и про Чингачгука, и про Вождь Белое перо, Ястребиный коготь, Вороненый глаз, Кровавое яйцо... как они с ковбоями сражались. Какая тебе „книжка“, какой еще Филимон Купер (это уже мне. – *Прим. авт.*) – говорю же, по виду! Ты видак вообще видел когда-нибудь, понимаешь, о чем я говорю?..»

И в тот же миг – каратэ было забыто (а затем и снова запрещено. Не исключаю, что и из-за нас в том числе). А мы, взяв себе звучные имена из озвученного Фиолетовым списка, яростно включились в борьбу с ненавистными ковбоями. За свободу и независимость нашего гордого индейского племени.

...Я сидел в засаде, поджидая ковбойский разъезд. Все было наготове: лассо, лук со стрелами, бумеранг и верный нож. От схватки и неминуемого поражения ковбоев не могло спасти ничто, а в крайнем случае я всегда был готов секретным курлыканием вызвать подкрепление. А вот, кстати, и они – движутся с той стороны забора. Странно, но лица их кого-то мне смутно напоминают... но никак не могу сообразить, кого именно... где-то я их определенно встречал, не может же мне так казаться...

– Сынок, ты что, нас совсем не узнаешь?! – горестно всплеснула руками мать, когда я нехотя выбрался из приготовленного с таким тщанием укрытия и бочком, своротив морду слегка наискось, приблизился к предкам. А потом, произведя визуальный осмотр, продолжила причитания: – А почему же ты в такую жару в джинсах и в рубашке с длинным рукавом?! А кеды почему на ногах – ты что, сандалики потерял?! И зубы черные... ты сколько их не чистил: неделю, две? А почему...

– Да он тут совсем одичал, я смотрю! – весело сказал отец. – Во, и не разговаривает почти... отвык, что ли?

Нет, а что я мог ответить? Что настоящие индейцы исповедуют в одежде именно такой стиль: джинсы, клетчатая рубашка, но не застегнутая, а завязанная узлом на пупке, и уж конечно – никаких «сандаликов»? А что до зубов, то не будешь же с собой в «секрет» брать щетку, тем более что и пасты-то нет, моей пастой ночью Алексей Кузнецов измазал коварно изменившую ему Анну... Нет, в самом деле – что? Мать этот эпизод тоже любит мне припомнить, но я считаю, что правда на моей стороне. Обещали, что «отдохнешь, подружишься с ребятами, наберешься сил...» – так и вышло: и отдохнул, и подружился. И, что характерно, набрался...

И только в электричке, слегка отойдя и отмякнув, я тихо спросил отца:

– Пап, а как ты считаешь: если Чингачгук будет с копьем, а Ояма просто так, безо всего, то кто победит?

Пиво и другие хозтовары

Осенью второго класса произошло Событие, во многом определившее ход всей дальнейшей истории. Если и не всего человечества в целом, то моей персональной – уж точно. Внешне, как это часто и бывает, – незначительное, почти незаметное, занявшее всего несколько секунд Времени и с десятков квадратных метров Пространства. Но сумевшее соединить в себе очень многие сюжетные линии этого отчасти сумбурного (я допускаю) текста и проложить магистральные векторы развития далеко-далеко вперед. Знаковое, одним словом. «Месседж». И началось все с того, что встал на ремонт продовольственный магазин На Шоссе...

Вообще, домашне-хозяйственные поручения на уровне «пакет молока и батон белого хлеба» я выполнял с первого класса. Причем довольно охотно. Даже несмотря на то, что мать сперва (для простоты, как ей казалось) давала денег под расчет, «чтоб без сдачи», – в результате чего дважды приходилось мучительно краснеть на кассе... Один раз – схвативши шестипроцентное молоко вместо обычного, а другой – нарезной батон за двадцать пять копеек против регулярных шестнадцати. А со второго класса – уже доверяют иногда брать сметану! Это значит, что надо взять с собой стеклянную банку, подойти к специально обученной тете за прилавком и в условно белом фартуке, и она щедро зачерпнет тебе из бидона и более-менее аккуратно оботрет края тряпкой, а главное – выпишет бумажку с результатами «завешивания»! И ты пойдешь, и будешь размышлять, что если прийти со своим куском чековой ленты и так же размашисто написать на ней химическим карандашом, но не ту цифру, а поменьше, то можно будет эту тетку вполне себе надурить, а с законно отжатой «дельты» взять мороженое! Ну или жвачку... все равно ведь видно, как они эту сметану разбавляют!

Если говорить в целом о схеме обеспечения нашего Района продуктами народного потребления и повседневного спроса, то выглядела она так. На Шоссе располагался продовольственный магазин самообслуживания. Гордого статуса «Универсам» он не имел, числясь по ассортименту рангом ниже – просто «самообслуживания», с соответствующей синей табличкой «Правила» у входа. Там-то я и краснел, и среди аборигенов он так и назывался – «На шоссе». А уже настоящий, всамделишный «Универсам» был По Ту Сторону Шоссе, возле «Еревана», и нам там стоило появляться лишь в сопровождении взрослых, но на самом деле делать-то нам было в нем особо и нечего.

А было чего – в культовом магазине «Культтовары», где мы приобретали всяко-школьно-письменные принадлежности, модели для склеивания, разборных индейцев и книжки серии «Пионеры-герои». А приобрета – шли в музыкальный отдел и там от души пялились на пластинки таких популярных вокально-инструментальных ансамблей, как «The Beatles», «Pink Floyd», «KISS»... а, стоп – не было там таких. Тогда пялились на модную звуковоспроизводящую «аппаратуру», «видаки» там всякие, «соны», «панасоники»... а, тоже не было. Но, как бы то ни было, пялились от души.

Имелся, между прочим, неизвестно по какому пункту Продовольственной программы занесенный на нашу северную рабочую окраину фирменный магазин кондитерской фабрики «Ударница». Даже с кофе-террием. Там, кстати, тоже довелось однажды залиться краской... совершенно случайно с мамой зашли, и вдруг – «выбросили» пиво! То есть не просто пиво – а ИМПОРТНОЕ, в БАНКЕ! Шестьдесят копеек за крошечную, но такую яркую баночку! Но мы, конечно, решили порадовать родителя «чешским бархатным», и мать поставила меня в очередь на «пробить», а сама отошла, а очередь как-то несвойственно ей быстро продвинулась, и надо было «что-то решать, Глеб!», и я мужественно звякнул мелочью на прибитое стальное блюдечко...

– Шестьдесят копеек во второй отдел, пожалуйста... (тихо-тихо).

А тетка в кокошнике, учуяв недобрый умысел, даже приподнялась, чтобы получше разглядеть, и громовым, на всю «Ударницу» голосом поинтересовалась:

– А что это тебе, МАЛЬЧИК, нужно во втором отделе и именно за шестьдесят копеек?!

– Пиво... (ведь они убьют его!!!)

– Хозяйка, пробивай давай, не задерживай, всем опохмелиться надо, и мальцу небось, он ведь тоже мужик! – весело выкрикнул какой-то дядька из хвоста очереди, которая уже загибалась так, что хвост оказался как раз возле нас...

Но тут, по счастью, подросла мать и исчерпала инцидент, и увела меня, пунцового – сперва от неловкости, а потом и от гордости: «Мужик!»

Само собой, овеванный и покрытый славой, легендами и мифами магазин с тематическим названием «Мясо №7», но он овеван и покрыт всем этим добром настолько, что рассказ о нем придется вывести в отдельное делопроизводство.

Ну и, наконец, овощной полуподвал, для краткости – просто «Подвал». Посещение «Подвала» в сольном режиме связано с определенным риском: на нашей Улице – две школы, наша – в самом ее начале, а ближе к концу – «шестисотка», и «Подвал» находится уже довольно глубоко в акватории и сфере влияния «шестисотой», ну вы понимаете... но я всё равно люблю в него ходить. Там в углу стоит настоящая, огромная бочка, и на весь подвал просто ослепительно, до легкого головокружения пахнет солеными огурцами... а главное – там «берут» картошку! И приказчик виртуозно и очень быстро нагребаёт в пластмассовый тазик запрошенные «три кило» и с размаху ставит на весы, заставляя метаться их стрелку... а ты волнуешься, потому что надо точно подгадать момент, когда подставить сумку к картофелепроводу, и успеть расправить края, чтобы не полетело мимо, и крепко взяться за ручки, чтобы удерживать... но не заранее, иначе придется какое-то время стоять враскоряку, а вдруг в этот момент сзади подкрадется кто-то из «шестисотки»... но вроде все рассчитано точно, тазик опрокидывается во входное отверстие на прилавке, и картошка с грохотом и пылью сыплется... Здорово!

Да, негусто... но с голоду вроде никто не умирал, это факт. Это потом уже, в «лихие девяностые», когда каждое более-менее... (тут автора несет в лирическое отступление класса «флэш-форвард» и «назад, в будущее», до каких отступлений он крайне сентиментален и падох, но уж потерпите: художник имеет право на слабости. – *Прим. ред.*) когда каждое более-менее «свободного назначения» помещение замигало призывными разноцветными огоньками витрин с трофейными товарами... Особенно одно, круглосуточное, уже вроде и не палатка, хотя еще и не магазин, как раз рядом с почившей в бозе перепрофилирования «Ударницей»... Трижды горевшее в пламени суровой конкурентной борьбы, первый раз даже со сторожем, а потом уже чуть более гуманно, но все равно дотла... Но проходила пара недель, и возвращаешься поздно вечером домой, автобусы редко ходят, садишься на первый попавшийся, все равно быстрее дойдешь, хоть и топать от самого Шоссе, глянешь – ан снова стоит, как феникс из пепла, и ни в чем не бывало! И все так же – широчайший выбор, приемлемые, едва ли не «социальные» цены и дружелюбный, несмотря на стальные решетки в два пальца и охранника чуть ли не на вышке с крупнокалиберным пулеметом, интерфейс... А потом все это снова куда-то исчезло... м-да. Но вернемся уже назад, в осень 1981 года.

Однажды утром мама сказала:

– Сходи, пожалуйста, после школы в магазин. Возьми, как обычно, молока пакет, белого и черного половинку, деньги я на тумбочку положу. Только это... на Шоссе магазин на ремонт закрылся на три месяца. Надо будет в другой сходить, знаешь, который на...

Сусанина

Да, на Сусанина... Улица одноименного Героя России и Советского Союза располагалась на самом отшибе нашего Микрорайона, оконтуривая и замыкая его. Дальше обитаемая вселенная заканчивалась, после шли только железнодорожные пути и закрытая территория больницы. И если наша Улица была эклектично оформлена в том числе и различными высотными (ну, по тому времени) двенадцатиэтажками, то Сусанина была полностью выдержана в моностиле грязных панельных хрущевок. Лавки у подъезда, покосившиеся бетонные козырьки с бытовыми отходами вверх, темные лестницы, герань на окнах и стекловатная обивка двери, торчащая во все стороны из засаленного и порезанного дерматина... Ну и народец, особенно юный, там проживал соответствующий. Казалось, туда даже автобус заворачивает как-то испуганно: сперва кабина, потом притормаживает, тревожно осматриваясь и озираясь, и лишь затем заезжает весь. А потом стремительно разворачивается на конечном «кругу» и с видимым облегчением покидает сие непростое место. Немудрено, что это был единственный маршрут, который следовал не к метро, а в еще более забытую богом, нежели наша, дыру – Алтуфьево... После Сусанина бояться ему было решительно нечего. Что и говорить, если на уроке музыки, когда Петр Михайлович знакомил нас с бессмертной оперой М.И.Глинки «Жизнь за царя», в цензурной версии – «Иван Сусанин», мы и то вздрагивали!

Нет, на самом деле – было место еще хуже. После нашей Платформы, если двигаться к Санкт-Петербургу, располагалась Станция, окрестности которой еще при царском режиме были застроены мрачными казенными строениями для обслуживающего персонала, и суровый пролетарский дух борьбы с самодержавием за сотню лет так и не выветрился из них. Вот это было – реально СТРАШНО! Однажды в школе нам велели посетить и записаться в библиотеку внеклассного чтения, расположенную в самом средоточии... хвала Провидению, мы направились туда с коллегой Воробьевым, у которого там очень кстати обнаружилась бабушка, в чьей коммунальной комнате мы и укрылись от преследований аборигенов. И каковая бабушка, напоив нас чаем, под покровом темноты вывела затем в безопасность. А трое юных читателей из «Б»-класса вернулись из экспедиции с осязаемыми следами от прочитанного на лицах. А надо понимать, что «бэшки» были отнюдь не теми людьми, которых в переносном, так сказать, смысле легко было склонить к знакомству с шедеврами мировой литературы, они и сами начитать могли кому угодно, все-таки «знание – сила», – и тут такой поворот. В общем, «библиотечный день» нам быстро отменили.

Но это все-таки – уже Станция, уже все-таки не у нас... а у нас – Сусанина. Сейчас все поломали уже, конечно, и там и там, и не узнать, и поистерлось, и старожилы не припомнят...

После школы, отобедав и прилежно сделав уроки, я собрался с духом и выступил в путь. Миновал пятый дом, тринадцатый, Пруд – и с замиранием сердца ступил на выжженную сусанинскую землю, на которую в соответствии со введенным как раз в тот сезон «зимним временем» уже опускались мгла и мрак.

Приключения не заставили себя долго ждать – прямо по курсу моего движения нарисовалось ДВОЕ. Здоровые... класс четвертый, а то и пятый, глаз уже наметан.

«Чё-о-о-орт... – подумалось мне. – Ну зачем я потащился этой волчьей тропой, надо ж было по самой улице идти... „Срезал“, называется. Хотя не факт, что по улице было бы спокойней... или сразу после школы, пока у них еще уроки... но опять же – не факт, что они на них ходят... да-а-а... Хорошо хоть деньги догадался в тайный кармашек куртки сложить, и то хлеб... половинка с пакетом молока...» Траектории наши стремительно сближались и в конце концов неминуемо сошлись.

– Ну, – веско спросил один, – ты из какого дома, пацан? Ты что тут вообще делаешь?!

Вопрос был риторический. Ни социальным статусом и уровнем образования, ни внешним видом с «сусанинскими» мы не коррелировали никоим образом. Те вообще в вопросах моды и стиля отдавали предпочтение каким-то будто краденным со стройки вещам: сапогам, но не черным армейским «кирзачам», а какого-то болотного цвета, уродливым вязаным шапочкам «под каску», телогрейкам с фирменной надписью «СМУ номер такой-то» на спине... а, ну точно! Тут не то что «дом» – тут другой район... да другой мир вообще!

Я насупленно молчал. Не было ничего такого, что можно было бы в свое оправдание поведать этим молодым людям. Следовало лишь подготовиться и мужественно принять неизбе...

– А ты за кого болеешь? – неожиданно спросил второй.

– За «Спартак», – честно сознался я.

– Ладно, – еще более неожиданно и с некоторым разочарованием сказал первый. – Тогда иди. Но больше здесь все равно не появляйся. И, отвесив несильный, можно сказать – почти «отеческий» подзатыльник, двое куда-то стремительно скрылись по своим неотложным сусанинским делам.

...Обратный путь я проделал на автобусах, с пересадкой и дав огромный крюк – но зато в окружении более зрелых сограждан. Попутно рассуждая о своем чудесном Избавлении и вообще – о превратностях Судьбы.

Нет, я допускал, что в Подлунном – не один я такой болельщик. Более того, имелась даже гипотеза, что подобные увлеченные индивидуумы имеются и у других коллективов физической культуры, хотя их, этих индивидуумов, пристрастия следует охарактеризовать как по меньшей мере «странные». Нет, правда: хоть убей, но не знаю, за кого болели пионеры Кузнецов и Фиолетов. По поводу супервозможностей Оямы или девичьей чести Анны Козловой билась в кровь, бывало, а тут как-то не возникало трений... Может, и ни за кого. Но вот чтобы так, жестко, без обиняков, чтобы от ответа на один несложный вопрос не просто, а самая жизнь твое зависела – это я точно столкнулся впервые. Да, недаром старик Черчилль считал, что футбол (и хоккей) – это не вопрос жизни и смерти: это гораздо важнее... хотя он и никогда не бывал на улице имени Ивана Сусанина. Или не Черчилль. Но не суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.